

КОНСТАНТИН ШИРОКОВ

НЕ ОСТАВЛЯЯ

16+

Константин Широков

Не оставляя

«Автор»

2018

Широков К. А.

Не оставляя / К. А. Широков — «Автор», 2018

Крым: Феодосия, Коктебель, Золотой пляж... Лисья бухта... удивительные места, о которых можно рассказывать и рассказывать... В этой истории ничего не придумано, всё случилось именно так двадцать пять лет назад... По воле случая оказаться на юге в небольшом прибрежном городке и впервые влюбиться там со всем юношеским порывом... а потом ощутить глубокое потрясение... Об этом ненавязчиво раскручивающаяся нить повествования со всеми её поворотами и изгибами, прослеживая которые, тонкий прихотливый читатель, несомненно, получит эстетическое удовольствие и некоторое эмоциональное оживление.

© Широков К. А., 2018

© Автор, 2018

Константин Широков

Не оставляя

*Не оставляя без ответа,
Ни чувств, ни образы друзей,
Ловлю я с грустью краски лета,
Лишь только в памяти своей...*

1

В то лето, как никогда ранее, у меня призывно, но неприметно для окружающих с упрямым постоянством и настырностью постукивало на душе что-то незнакомое, немного грустное. Что именно – я и сам не знал. Было и какое-то смутное, неудержимое стремление к чему-то новому. Я желал каких-нибудь ярких перемен в своей жизни. Мне было уже семнадцать и мне казалось, что живу я как-то не так. Не так, как хотелось. Как мог бы. Впрочем, в ту славную пору я был по-юношески мечтателен и, как и все в этом возрасте, склонен к ярким фантазиям.

Между тем школа – самая обычная городская десятилетка со всеми её писанными и неписанными уставами и примелькавшимися прелестями – была благополучно преодолена. Она осталась, можно сказать, позади, уже навсегда в прошлом, а экзамены в институт, к удивлению и большому разочарованию моего отца, позорно провалены, – я подавал надежды на скорое поступление в престижный экономический, потому что учился хорошо и к тому же, отвечая на вопросы о своих помыслах и планах, умел составить о себе вполне благоприятное впечатление.

По правде сказать, меня не очень-то удручала сама неудача со вступительными экзаменами, трагедии из этого я не делал: «Ну, подумаешь, в этом году не поступил – в следующем поступим». Но жизнь моя всё ж была теперь, по крайней мере на ближайшую перспективу, достаточно неопределенна и, по образному выражению отца, «зияла неприкаянностью и пустотой».

Заполнить эту «пустоту» отец рассчитывал осенью освобождающимся местом ученика в крупном автосервисе, где у него имелись какие-то связи. А чтобы я не болтался почти всё лето без присмотра (время пионерских и спортивных лагерей отошло теперь вместе со школой в прошлое), он решил отправить меня к своей сестре в небольшой прибрежный городишко, что находился от нас ни много ни мало почти в полутора тысячах километрах. Наверное, он надеялся, что родной и близкий ему человек, имевший к тому же богатый педагогический опыт, сможет глубже понять меня, особенно мой, как он полагал, ещё не устоявшийся характер, и неким образом повлиять на него, чтоб уже к осени я был, если не образцовым джентльменом, то хотя бы более рассудительным, более целенаправленным, что ли, в своих устремлениях, и не отмалчивался, когда, к примеру, ему хотелось поговорить со мной о чем-нибудь с доверительно-участливой откровенностью, так сказать, по душам.

Должен заметить, что свою единственную тётушку я почти не помнил и, к своему стыду, всецело погруженный в водоворот своей беззаботной жизни, вспоминал о её существовании только в праздники и в дни своего рождения, когда она присылала подарки, тщательно упакованные в прочную вощённую бумагу с обязательными по тем временам перевязями шпагата и неровно застывшими печатями сургуча. В этих небольших, но увесистых почтовых отправлениях почти всегда я находил стопку подобранных для меня книжек и непременно набор шоколадных конфет, а бывало, и какой-нибудь скромный сувенир в виде диковинной морской раковины или угрожающе растопыренной клешни краба, а то и просто незамысловатый круг-

ляш пятнистого камешка, – всё так или иначе связывалось с морем, солёный вкус которого я только и помнил.

Иногда после очередной посылки я мысленно благодарил свою добрую далёкую тётю, отсылая попутно ей лёгким произвольным взмахом руки что-то вроде воздушного привет-поцелуя... И в эту минуту я даже как будто видел её, вернее, её образ, который почти абстрактно утвердился в моём сознании, в основном благодаря совсем не частым обмолвкам отца, а также дюжине фотографий в семейном альбоме, в числе которых были и те, слегка обозначенные желтоватой вуалью времени, где я, пухлощёкий крепыш, уцепившийся руками за её юбку, а затем и на её коленях, пытался гнуть какую-то свою линию, капризно закусив нижнюю губу.

Мягкий, с необыкновенной теплотой взгляд её, всегда открыто устремлённый со старых фото, безусловно, указывал, что она была по-настоящему добра и, конечно же, излишне баловала меня тогда. Сейчас же одинокая и уже немолодая женщина, она жила только своей работой. Звали её Зоя Дмитриевна, и работала она директрисой в каком-то местном учебном заведении, пользуясь там, как, впрочем, и во всём своём небольшом городке, вполне заслуженным авторитетом и уважением.

Отец в связи с моим уже скорым отъездом к ней часто вспоминал её и, конечно, не упускал случая напомнить мне, как следует вести себя вдали от дома и что мне вообще позволено в гостях. Он почему-то полагал, что по приезду я сразу же займусь битьём стёкол и витражей в окрестных домах, наводя первобытный ужас на мирных обывателей. Или начну выяснять отношения с местными хулиганами и непременно подерусь... или же, чего доброго, напротив, сдружусь с ними, что также не входило в его планы. И я, слушая его наставления и участвовавшие речи о тётушке, особенно о её особом педагогическом даре и неиссякаемом терпении, и то, что в своём заведении она практикует необычайно действенную систему воспитания, которая, как подчёркивалось высокими нотками в голосе отца, весьма полезна была бы и мне, вдруг поймал себя, что, несмотря на предвкушение приятного южного времяпровождения, почему-то начинаю испытывать неуверенность и даже некоторую робость перед самой встречей со своей далёкой родственницей. Невольно я начинал представлять, как моя добрая и, несомненно, всей душой любящая меня тётя сразу же мягко и в то же время непререкаемо и властно ограничит мою свободу и с неумолимой методичностью начнёт повышать мой общеобразовательный уровень до недостижимых высот её образцово-показательного заведения.

К тому же выяснилось, что отец уже успел сообщить ей о моём неожиданном фиаско на вступительных экзаменах, чем наверняка решительно настроил её заняться ревизией моих школьных знаний, а попутно навсегда воодушевил на бескомпромиссную борьбу со всеми моими недостатками и пороками, которые, воображал я с незаметно всплывшим сарказмом, конечно, уже обнаружены ею за тысячу с лишним километров.

Как бы там ни было, я стал собираться в дорогу, уже зная, что тётя с нетерпением ожидает моего приезда и, вероятно, во всеоружии готова встречать единственного племянника в своём далёком южном городке.

Собирался я недолго. Самые необходимые вещи легко уместились в моей большой спортивной сумке, где без особых затей так же легко нашлось место и для увесистого подарка – альбома цветных репродукций средневековой итальянской живописи, который мы с отцом рассмотрели в книжном магазине. Тётушка, по словам отца, всю жизнь увлекалась собиранием такого рода книг.

Изумительно роскошный альбом, обёрнутый золотистой подарочной бумагой и перевязанный яркой пурпурной лентой, мне полагалось торжественно вручить с краткой умной речью, которую, по замыслу отца, я должен был придумать экспромтом, чтобы показать ей, что ещё не всё так безнадежно со мной.

Конечно, не скрою, я испытывал тихую радость, живо представляя, что скоро буду там, где растут кипарисы, кричат чайки, а тёплое ласковое море с самого утра призывно манит на золотой песок пляжа. Но сама мысль, что за мной, судя по всему, будет весьма бдительный присмотр, несколько сдерживало от открытого выражения восторга. Эта мысль сразу же вступала в противоречие с видами на предстоящий отдых, совсем не вписываясь в красивое южное кино, единственным режиссёром которого я видел только себя.

Скорее всего, именно поэтому, когда уже из окна вагона я смотрел на сдвинувшееся и плавно отъезжающее здание вокзала и удаляющуюся фигуру отца, долго махавшего на перроне зажатой в руке газетой, и на следующий день, когда примелькался однообразный ландшафт южных степей, так назойливо всплывала картинка, будто неторопливая, очень властная и выразительная пожилая дама, чем-то, может быть, и напоминающая мою тётушку, в задумчивости сидит в методическом кабинете своего образцового заведения и весьма тщательно и скрупулёзно составляет развёрнутый до мелочных подпунктов подробнейший план моего пребывания у неё в гостях. Или же, как она уже на скамье перрона небольшого провинциального вокзала, под палящими лучами южного солнца, обливаясь ручьями горячего пота, с завидным вдохновением дополняет всё тот же дотошно-въедливый план, чтобы ещё разнообразнее и с большей пользой занять досуг своего незаметно выросшего племянника, который между тем уже переминается с ноги на ногу за её спиной, от робости забыв свою тщательно подготовленную и выученную наизусть речь, и не знает, как себя обнаружить и по возможности представить.

Но в действительности, несмотря ни на что, несмотря даже на минутные сомнения, мелькавшие в моём сознании в виде пугающих картинок, родная тётя предстала именно такой, какой и была в моих представлениях, учитывая, прежде всего, непередаваемый шарм всё тех же пожелтевших фотографий.

Из окна останавливающегося вагона я сразу узнал её, торопливо выходящую из дверей вокзала и вскоре на миг пропавшей в небольшой, по-южному очень пёстрой толпе встречающих. Старые фото, которые я разглядывал накануне, вполне соответствовали и теперешнему её внешнему облику, несмотря на то что прошло уже немало лет.

Слегка сухошавая, среднего роста и довольно подвижная, с неисчезающим задорным блеском в глазах, моя немолодая тётя действительно прекрасно выглядела для своих лет.

Когда я сошёл с поезда, она, на удивление быстро разглядев и признав меня, с необыкновенной резвостью подлетела ко мне и, бесконечно обнимая и осыпая поцелуями, с возгласами: «Как же ты похож на отца! Какой ты стал большой! Как возмужал!» – настолько ошеломила меня своим напором, что всю дорогу до её дома я чувствовал сильное смущение и толком не мог отвечать на её расспросы.

Выплёскиваемая ею энергия, связанная, как мне подумалось, напрямую с её эмоционально ярким и, видимо, взрывным темпераментом, казалось, никогда не иссякнет. Говорила она певуче и быстро и, как мне показалось, много. Наверное, эта её манера говорить и сама речь явились результатом долгого проживания здесь, на юге, где все немного растягивают слова почти нараспев и при этом любят говорить помногу. Особенно это заметно было, когда, расспрашивая меня и выслушивая мои немногословные ответы, она пускалась в довольно-таки продолжительные экскурсии в прошлое, оваянные ностальгическими переживаниями, то вдруг прерывалась, чтобы выяснить, о чём я задумался, что хочу сказать, попутно вставляя на то какую-нибудь реплику, или опять с неподдельным интересом начинала расспрашивать меня о чём-нибудь.

Порой я не мог даже уследить за непривычным для меня разбросом её мыслей. К тому же она и спрашивала, и тут же сама себе отвечала, – и почти одновременно с этим продолжала рассказывать, говорить, как бы сразу обо всём, дотошно всем интересовалась – даже нашим

котом, которого ни разу в жизни не видела, но который, видать, был упомянут отцом в каком-то письме.

Несмотря на увесистую сумку с вещами, я довольно быстро шагал за ней, а она, не прекращая говорить, успевала забежать то с одной, то с другой стороны, пытаясь помочь мне нести сумку, которую я каждый раз предусмотрительно перехватывал в другую руку, противоположную от неё. Мимоходом она вставляла что-то и об улочке, с которой мы свернули в переулок, и о старом здании, где висела мемориальная доска. На уцелевшие зубья полуразрушенной крепостной башни, маячивших поверх крыши одноэтажного особнячка, она также обратила моё внимание, когда мы проходили мимо, и даже успела в двух словах пересказать многовековую её историю.

Чувствовалось, что тётя очень любила свой небольшой уютный курортный городок и по настоящему гордилась им.

Я успел заметить, что городишко действительно был не ахти какой в смысле размеров, но на удивление был очень чистым и ухоженным. Узковатые, на мой взгляд, улицы, казалось, утопали в буйной зелени. А некоторые дома и сами представляли собой сплошную зелёную стену, из-за того, что жильцы культивировали на балконах и окнах какие-то необыкновенно густые вьющиеся побеги.

Когда мы наконец пришли в её огромную четырёхкомнатную квартиру, я, хотя и знал от отца, что найду здесь неплохую библиотеку, все ж немало был удивлён количеством книг и весьма необычной для меня обстановкой. Вся квартира, вплоть до спальни, была обставлена массивной старомодной мебелью тёмно-коричневых тонов. Взгляд, брошенный в любом направлении, большей частью наткнулся на габаритные шкафы с книгами, альбомами, журналами всевозможных изданий. Книги были везде, даже в просторном холле и на полках в широких коридорах, что отдалённо приносило в эту квартиру атмосферу некоего книжного запасника, обосновавшегося по какому-то особому стечению обстоятельств на втором этаже старого жилого дома.

«Андрюша, в твоём распоряжении вся моя библиотека. Эти книги я собирала больше сорока лет, – с гордостью объявила тётя, увидев лёгкое изумление на моём лице от обилия книг, – можешь наслаждаться!» Она произнесла эти волшебные слова и ушла хлопотать на кухню, всё ещё находясь в состоянии радостного возбуждения от моего появления в её размеренно-одинокой и довольно однообразной, как я полагал, жизни. Я же, осваиваясь на новом месте, постарался последовать её совету.

Наугад выбранный тяжёлый фолиант сразу же заинтересовал меня своими почти объёмными репродукциями греко-римских скульптур, где три юные грации на одной из страниц более всего привлекли моё внимание своей обезоруживающей беломраморной наготой и даже несколько сбивали с мыслей, связанных в основном с нетерпеливым желанием поскорей увидеть море, к которому, по настоянию моей тётки, я мог отправиться только после хорошего домашнего обеда и краткого послеобеденного отдыха. Здесь, на юге, полуденный отдых, по её мнению, в час самой сильной жары даёт бодрость на весь оставшийся день. Пришлось подчиниться её уставу, упрямитесь в чужом монастыре я не мог, да и не было резона.

И вот после хорошего домашнего обеда, развалившись на диване в просторной комнате, которая была заботливо подготовлена мне, я, неторопливо листая понравившийся фолиант и оценивая не только блестящий глянец страниц, вспомнил о нашем с отцом подарке. Позвав тётку, я, празднично шурша яркой подарочной бумагой и невольно усиливая этим торжественность момента, вручил ей наш альбом. Сказать, что такого презента явно не ожидалось – значило, наверное, ничего не сказать об этой минутной, почти немой сцене.

После некоторого замешательства лицо моей тётки буквально светилось. Весь её вид говорил, что она приятно удивлена и даже ошеломлена неожиданным сюрпризом. Надев сразу же

очки, с восторженным блеском в глазах она тут же принялась внимательно рассматривать первые страницы.

Правда, заготовленную речь мне пришлось сократить в связи с более чем благоприятной атмосферой моего приёма. Этот урезанный до минимума так называемый экспромт она тем не менее оценила и, отрываясь от альбома, глянула на меня поверх очков как-то совсем по-особому, удивляясь, наверное, про себя и до конца не веря, как я мог завалить весьма заурядные экзамены в институт.

Разумеется, я не мог не чувствовать, что произвёл на родную тётю очень хорошее впечатление, несмотря на то, что поначалу она, конечно же, со слов отца, представляла меня неразговорчивым, упёртым, закомплексованным городским увальнем, готовым в любую минуту неожиданно для всех совершить какой-нибудь сомнительный подвиг. Отец, понятное дело, переусердствовал, описывая мои пристрастия. Но теперь, увидев меня и пообщавшись, тётюшка, как я полагал, сделала в отношении моей персоны правильные умозаключения.

Размышляя об этом в обнимку со всё тем же приглянувшимся мне фолиантом, я от сытости и лёгкой усталости, которая присутствовала с дороги, неожиданно уснул, а когда открыл глаза – передо мной на журнальном столике стояла ваза с тремя огромными золотистыми персиками. Рядом лежала записка, в которой тётя сообщала, что ушла на рынок, что ключи на комод, и что я могу прогуляться по набережной или найти себе какое-либо другое полезное занятие по своему усмотрению, ведь я уже взрослый и вполне самостоятельный человек.

Тётюшка положительно всё больше нравилась мне, несмотря на мою некоторую предубеждённость к ней и её излишнюю поначалу суетливость и бесконечные расспросы. Она, как и положено, после бурного проявления родственных чувств, выразившихся в горячих поцелуях и объятиях, а затем и в энергичных и темпераментных речах и расспросах, направленных в первую очередь на удовлетворение её естественного интереса ко мне, к моим стремлениям и вообще к прояснению всего образа моих мыслей, вскоре тактично сбавила обороты, а потом вообще оставила меня наедине лениво перлюстрировать не только изысканные фолианты, но и весь пока ещё путаный ворох моих свежих впечатлений. Эту её тонкую деликатность, что проявлялась и далее, я оценил, – и, может быть, именно поэтому у нас сложились вполне доверительные отношения, которые не могли поколебать ни неожиданные происшествия и казусы, всё-таки случавшиеся здесь со мной, ни возникавшие иной раз между нами некоторые трения, ни те, совершенно непредвиденные моей проницательной тётей, события, навсегда оставшиеся в моей памяти и, кажется, изменившие меня.

2

Следует сказать, что к своим семнадцати годам, видимо благодаря сугубо мужскому воспитанию (моя мать погибла в автомобильной катастрофе, когда мне не было ещё и трёх лет), я был довольно неприхотлив в быту, почти аскетичен и, несмотря на нерегулярные физические нагрузки, неплохо по-спортивному развит. Я одинаково хорошо играл в волейбол и футбол, был двукратным чемпионом школы по настольному теннису, имел даже разряд по шахматам, чем открыто гордился, как и яркой победой в большом школьном шахматном турнире, где участвовали наши преподаватели. Но отец, хотя и проигрывал мне в теннис, а случалось, и в шахматы, не придавал всему этому большого значения, считая, что в целом я безвозвратно прожигаю самое драгоценное время, вместо того, чтобы всесторонне развиваться в какой-либо раз и навсегда уже определённой области – например, в экономике, которая в последнее время почему-то более всего прельщала его. Он непременно желал, чтобы уже в следующем году я всё-таки стал прилежным, вдумчивым студентом какого-нибудь престижного университета, причём обязательно экономического факультета, и поэтому видел теперь меня или усердно

посещающим какие-нибудь курсы, желательно с экономическим уклоном, или хотя бы иногда в его присутствии размышляющего о необходимости учиться.

Однако, несмотря на явное скептическое отношение к большинству моих скромных достижений и талантов и почти всегда среди прочего подчёркнутое неодобрение моего уличного времяпровождения, я всё-таки чувствовал, что в глубине души отец всё ж надеялся, что именно в это лето я оставлю большую часть своих многочисленных мальчишеских увлечений и забав и займусь более серьёзными вещами. Ведь к этому, как он полагал, у меня были некоторые предпосылки. Не раз с изумлённым удовлетворением он вдруг замечал, что я допоздна засиживаюсь с заинтересовавшим меня томиком из домашней библиотеки. А бывало, и до самого утра свет горел в моей спальне, где буквально за ночь я проглатывал очередную книжку. За последний год-полтора я прочитал довольно-таки много книг из обширной домашней библиотеки. Правда, книги, интересовавшие тогда меня, были по большей части переводными французскими романами, в которых я находил для себя много неизведанного и по-французски неподдельно изящного, что не могло не волновать меня. К тому же я отнюдь не страдал отсутствием воображения, которое уже будоражило меня и, безусловно, вносило свои коррективы в моё поведение, вполне соответствовавшее, на мой взгляд, всем нормам цивилизованного общества и даже его некоторым неписаным правилам и нюансам, особенно в отношении юных особ прекрасного пола.

Должен признаться, что прелестные юные особы, как-то незаметно выдвинувшиеся на первый план, всё более волновали меня и всё чаще заполняли виртуальное пространство моих самых смелых фантазий. Они даже в эту минуту грациозно дефилировали по нереально сверкающему на солнце песчаному подиуму пляжа в своих умопомрачительных бикини, томно смотрели на меня и загадочно улыбались... «Подслушал бы сейчас отец мои мысли – наверняка в сердцах бы дал подзатыльник, направив их в другое, более полезное, на его взгляд, пространство...» – подумалось вдруг мне. И эта мысль бесцеремонно прервала слегка вальяжный полёт моих размышлений и как-то сразу вернула к реальности.

Надкусив нежно-розовый персик, что призывно смотрел в рот из стеклянной вазы, и приглаживая на всякий случай затылок, я тут же вспомнил свои обещания отцу держать в голове не только пляж, но и освежать сокровенные мысли об учёбе, которые, по его мнению, даже на отдыхе весьма полезны будут будущему вдумчивому студенту.

И всё-таки, мысли о пляже, подпитанные глянцевыми репродукциями, волновали более и легко перебивали всё прочее, да и море плескалось где-то рядом и призывало. Призывало так, что желание увидеть его становилось навязчивым и нестерпимым.

Уронив с грохотом на пол всё тот же увесистый фолиант (видела б это тётушка!) и затем, широко раздвинув шторы и легко открыв балконную дверь, я вышел на небольшой балкончик, которыми так любили украшать свои творения архитекторы типовых построек почти что полувековой давности. Южное солнце, как и положено, сразу же, без лишних церемоний, со всей щедростью одарило меня своим ярким, пышущим полуденным зноем, предельно ясно объяснив, что оно ещё долго не желает исчезать с млеющего шелковистого неба. И витавшая в голове мысль осмотреть город, найти набережную и пляж настойчиво потянула на улицу, в сладкую, заманчивую дрёму южного городка. Но когда я уж было собрался выйти на улицу, в тишине откуда-то из зала отозвалась пульсирующая телефонная трель. Приятный звонкий голос спросил Зою Дмитриевну и по-девичьи смешливо хмыкнул, когда я вежливо поинтересовался, кто её спрашивает. Мой голос звучал уверенно и даже настойчиво... И после некоторой заминки из трубки донеслось:

– Пожалуйста, передайте Зое Дмитриевне, что звонила Даша Невицкая...

И снова случилась заминка, а я уловил едва слышимое дыхание.

– Конечно, Даша, я в точности всё передам, – бодро ответил я, и с воодушевлением хотел было продолжить наше общение.

Но я не успел поинтересоваться, что Даша делает вечером. В трубке неожиданно раздался зуммер и, застыв на мгновение, как в известной детской игре с волнующимся морем, я подумал, что это невежливо бросать трубку, не дослушав столичного гостя. Я даже хотел было подвесить в воздухе какое-нибудь звучное междометие с кратким спичем о крайней возмутительности местных нравов. Но только я успел положить трубку, как телефон вновь откликнулся тонким нетерпеливым взвизгиванием.

Звонила опять Даша. Непосредственность её обезоруживала. Она наивно полагала, что это я способен на полуслове положить трубку, даже не представившись. Пришлось раскрыть ей глаза на то, что в наших краях не принято так общаться с девушками. Говоря об этом и попутно без проволочек представившись, я заявил, что не буду возражать, если она проведёт мне экскурсию по славным местам её родного города. Конечно, я уточнил, что в первую очередь меня интересует пляж, где мы, кстати, можем даже задержаться и немного позагорать. Но тут выяснилось, что у Даши совсем другие планы, и к тому же в учебном заведении, где она учится, установлен строгий распорядок дня, который сегодня не предусматривает каких-либо экскурсий по городу. А на моё предложение внести в дурацкий распорядок незначительное изменение, она весело рассмеялась и, посоветовав обратиться к Зое Дмитриевне за разъяснениями, с подчёркнутой вежливостью пожелав мне ровного загара, положила трубку.

«Любопытно было бы взглянуть на этот распорядок», – подумал я, уже догадавшись, что Даша звонила из того самого заведения, где моя тётя была директрисой и, скорее всего, являлась главным автором этого распорядка.

Размышляя об этом и прикидывая, что в этой связи можно предпринять, я услышал характерный негромкий звук открывающейся входной двери и поспешил туда. На пороге стояла запыхавшаяся тётушка с полными авоськами продуктов в руках.

– Андрюша, – обратилась она ко мне, увидев перед собой, – я только что с рынка. Отнеси, пожалуйста, всё это в холодильник. Теперь-то я точно буду спокойна – продуктов надолго хватит.

Я принял у неё свёртки и, размещая их по камерам в холодильнике, доложил, что звонила Даша Невицкая, с которой я почти договорился об экскурсии по городу. Слово «почти» я проговорил скороговоркой невнятно, пользуясь таким вполне невинным, но хорошо отшлифованным в общении с отцом приёмом, позволяющим иногда получать некие дивиденды.

Услышав о Даше, тётя, всплеснув руками и глянув на часы, принялась звонить куда-то и что-то там выяснять и согласовывать. И тут с незатейливой обыденностью меня посетило в некотором роде первое разочарование с момента приезда...

...Оказалось, что моя милая добрая тётя уже заранее, до моего приезда, проявила заботу обо мне... В стенах её небольшого учебного заведения, как ни прискорбно это было узнать, меня ожидало некоторое подобие ускоренного ликбеза с уклоном... Нет-нет, не в экономику, а пока лишь только в пару гуманитарных дисциплин, с которых и должен был начаться, в угоду моему отцу, каждодневный, глубоко осмысленный и, по-видимому, до мелочей продуманный мой отдых на море.

Кажется, те предчувствия, что перед самым отъездом проявились в общении с отцом и которые немного меня пугали и донимали уже в поезде, как бы не хотелось этому верить, всё-таки начинали сбываться.

По словам тётки, её опытные педагоги с искренним желанием готовы немного скорректировать мои школьные знания по двум-трём дисциплинам, что так важно и даже необходимо, если я всё-таки собираюсь поступать в университет. При этом, утверждала она, благодаря некоторым новаторским методикам её коллег, это будет необычайно интересно и даже увлекательно. «Я б и сама с удовольствием села за парту и вновь наслаждалась бы карнавалом знаний и удивительных открытий», – мягко, почти по-голубиному ворковала моя хлопотливая тётушка, певуче примешивая в свои слова приглушённо гортанный южнорусский прононс. И

ворковала всё это она так радостно и с таким энтузиазмом, и каким-то внутренним ликованием, точно нечто необыкновенное и грандиозное теперь наверняка должно было свершиться, и чему я должен был бы бесконечно и безмерно рад.

Тётя лишь сожалела, что для этих занятий смогла привлечь только двух своих доморощенных педагогов по причине того, что почти весь её дружный педагогический коллектив, к моему счастью, был уже в отпусках.

И я, с трудом переваривая эту с ног сшибающую новость, уже представил, как из небольшой, но плотной толпы педагогов её славного образцового заведения отделилась парочка самых педантичных и крайне въедливых особ. Как они потирают от удовольствия руки: ждут не дождутся скорее приступить к делу и начать учить меня уму разуму. «Ну теперь точно прощай мой отдых, прощай свобода, прощай пляж на весь день и ночные гуляния среди кипарисов под огромной южной луной, прощай и мой беззаботный сон до обеда...» – такие мысли сразу же завертелись в голове и смутили меня. Однако, стараясь сохранить хотя бы видимую невозмутимость и хладнокровие, я всё же поинтересовался, кто ж это так легко и радостно мог согласиться испытать на прочность свои нервы и хрупкое душевное равновесие в общении со мной.

Мой сардонический вопрос испарился сам собой. Тётя как бы не заметила его, но подчеркнула, что одной из моих репетиторш будет опытный педагог в области родного языка и литературы Стелла Александровна, которая очень тактичный и внимательный человек, в чём я, конечно, и не сомневался, но, безусловно, был бы определённо рад всё же избежать её пристального внимания к своим умственным способностям.

«Лучше б этот опытный педагог брался обучать тех, кто желает этого», – с некоторым возрастающим неприятием и отчуждением подумал я об этой своей будущей репетиторше, наделённой, скорее всего, ко всему прочему, и функциями наставницы и строгой воспитательницы в одном лице.

Я тоскливо глядел из глубины комнаты на ярко-голубой прямоугольник окна, в котором одиноко кудрявилось небольшое перистое облачко и на фоне которого зачем-то в деталях припоминался большой десятиведровый школьный аквариум в кабинете биологии с навеки, казалось, заточенной там безмолвной и всецело покорной своей судьбе живностью. Я вдруг почувствовал себя примерно такой живностью.

Всё складывалось прескверно. Нежданный сюрприз действительно чуть было не вверг меня в самый настоящий ступор, если бы я не услышал о другом своём репетиторе. На этот раз уже по английскому классическому языку, который, если честно признаться, я прилично запустил в школе. Этим репетитором была назначена шестнадцатилетняя Даша, чей приятный голос я только что слышал по телефону. «Дашенька Невицкая у нас лучшая ученица, большая умница и очень ответственная, строгая девушка!» – так кратко охарактеризовала её тётя. Затем так же кратко пожелав успешно пройти под руководством Даши ускоренный курс разговорного английского, тётушка мягко и в тоже время непререкаемо закрыла эту тему, не предоставив мне ни малейшей возможности воспроизвести хоть какие-то свои суждения на этот счёт.

«Предположим, – немного успокаивал я себя, – с Дашей я не прочь был бы общаться хоть на китайском, но с неведомой местной училкой, забронзовевшей, наверное, от многолетнего рутинного педагогического труда, – ни за какие коврижки». Школу, слава богу, я закончил, и ощущать себя второгодником желания не было.

Конечно, внешне я постарался не слишком уж проявлять своё крайнее недовольство. Хладнокровие в любых неожиданных ситуациях в последнее время было моим девизом и почти знаменем, да и юная Даша, кажется, немного сглаживала неудачный расклад вещей, который так неожиданно и безальтернативно был выложен передо мной.

И всё-таки, может быть, не только из-за внутреннего, не успокаивающегося чувства протеста я не смог сдержаться от выражения хотя бы самого малого недовольствия.

С некоторым пылом, но как-то безнадежно я попенял тётё на её чрезмерную и, на мой взгляд, совершенно излишнюю заботу, на что она только понимающе улыбалась в ответ, приговаривая что-то о гармонии приятного и полезного...

Вволю пообщавшись с ней в бурливом и беспокойном русле этой темы, прерываемой то и дело звонками в учебное заведение (тётя дотошно согласовывала расписание занятий), то, наоборот, из него и выторговав незначительные, чисто символические уступки, из которых более или менее значимой была Дашина экскурсия по вечернему городу, я, махнув рукой на всё, понял, что противостоять тётушке, пожалуй, мне будет много сложнее, чем отцу.

«Ах, тётя! – думал я, выйдя уже на улицу и помахивая ей снизу рукой, когда она показалась на балконе, – как же я всё-таки мог допустить такие поползновения на свою свободу и не предпринял своевременно что-нибудь упреждающее. Ведь после разговоров с отцом нет-нет да и мелькали мысли именно о таких перспективах моего пребывания здесь, на юге».

Впрочем, и без каждодневных, почти ритуальных перед отъездом разговоров с отцом вполне очевидно было, что он легко сговорится со своей обожаемой сестрой-директрисой, которая в благих целях постарается обрушить на меня весь свой немалый педагогический потенциал, включая также и потенциал своего заведения. «Наивный, я мечтал о беспечном времяпровождении на южном взморье! Хорошо, что хоть экскурсию я успел для начала организовать себе, а то бы уже после прогулки по набережной парился за партой, исподлобья косясь на почтеннейшую Стеллу Александровну», – размышлял и корил я себя одновременно.

Насчёт экскурсии, тётя, как ни странно, возражать не стала, даже сама по телефону уточнила слегка удивлённой Даше, куда в первую очередь необходимо меня сводить, дабы я проникся духом великого прошлого их небольшого городка. И в этом смысле местный краеведческий музей должен был, по её мнению, сыграть свою архиважную культурно-просветительскую роль. «А затем можно будет осмотреть и старую набережную, и смотровую площадку на ней, откуда виден весь залив...» – милостиво и предусмотрительно было разрешено мне полюбоваться здешними красотами и немного вкусить южной романтики. В тоже время я был настроен предупредён, чтоб и не думал встречать там рассвет, потому как завтра в десять утра меня будет ждать в учебной аудитории Стелла Александровна.

– А как же пляж?! – заикнулся было я. На что тётя, ласково, по-матерински расправляя мне на лбу сбившиеся волосы и улыбаясь своей обезоруживающей тёплой улыбкой, отвечала:

– Как же, как же без пляжа! Пляж будет обязательно... после занятий, когда и жара спадёт и когда как раз будет лучшее время для солнечных ванн и водных процедур... Впрочем, – вдруг добавила она, пристально глядя в меня и поправляя на этот раз воротник моего батника, – належаться на песке, дорогой Андрюшенька, ты всегда успеешь, ведь главный городской пляж буквально в двух шагах от дома... а посему других и не надо!

Она произнесла последнюю часть фразы чуть громче и с какой-то поспешной категоричностью, причины которой, несомненно, присутствовали в её словах некой подоплёкой или же, по крайней мере, метафизически витали где-то рядом.

Но мне-то именно после этих слов показалось, что мой распорядок дня давно уже расписан и утверждён, и в нём есть лишь немного свободного времени, когда Андрюше позволено поковыряться в песочнице во дворе или полежать на пляже, прячась между деревянными лежаками от взоров находящейся где-то поблизости родной тётё или кого-нибудь из её бдительных коллег.

3

Оставив тётушку на балконе с её мыслями и заботами обо мне, я шёл изогнутой живописной улочкой в сторону набережной, вдыхая незнакомый провинциальный дух уютного курортного городка и ощущая, что феерическое чувство свободы, несмотря ни на что, уже дружески

приобняло меня и даже слегка кружит голову, освежая её новыми яркими впечатлениями. Восхитительным было это ощущение какого-то ещё неизведанного мною праздника, витавшего, казалось, в самом воздухе этого незнакомого городка, в котором так беззаботно гуляли люди, ярко светило южное солнце и где никому до меня не было дела, за исключением, конечно же, моей заботливой и беспокойной тётки.

Спустившись к набережной и едва скрывая восторг от сверкающей синевы моря, которое мне наконец-то довелось увидеть, с трудом преодолевая желание заскочить на пляж, что раскинулся чуть левее, и искупаться там, я, всё же, боясь опоздать к назначенной экскурсии, поспешил к музею, который без труда сразу же и нашёл. Вернее, он сам обнаружился всего лишь в сотне шагов от места, где я любовался морем.

Действительно, как и говорила тётка, всё в этом чудесном городке было в двух шагах: и море, и небольшой пляж, который почти весь был заполнен отдыхающими, и тенистый сквер, где прогуливались парочки и где в густом, спёкшемся от дневного зноя воздухе тонкими слоями плавал необычный для меня сладкий аромат каких-то южных цветов, настоящие апельсины которых благоухали на ухоженных клумбах с нежно мурлыкавшими фонтанчиками в виде оригинальных скульптурных чаш. Совсем рядом от сквера был даже небольшой местный театр, где, похоже, шёл спектакль, – оттуда приглушённо доносились звуки музыки и смех зрителей. Казалось, всё вокруг до краёв было наполнено тихим праздничным благополучием и источало бесконечное южное радушие и дружелюбие.

Лишь у входа в красивый старинный особняк местного краеведческого музея, где меня должна была ожидать Даша, напряглись и грозно оскалились два белокаменных льва, вышедших, по легенде, прямо со дна морского и сразу устроившихся здесь на службу. Вероятно, их главной обязанностью было не просто бдеть на ступеньках у входа в музей, но и отпугивать неугодных им лиц. Хотя, честно сказать, вряд ли они могли кого-либо сильно напугать по причине своей вековой старости. К тому же у одного был сильно до безобразия расквашен нос, а другой бедняга и совсем был без лапы, не считая глубоких царапин и ссадин на спине, приобретённых, наверное, в прошлой жизни в многочисленных жестоких схватках.

Разглядывая львов, я вдруг услышал совсем рядом своё имя. Кто-то вежливо поздоровался со мной.

Львы, кажется, обернулись вполоборота. Я тоже перевёл взгляд с их удивлённых каменных физий. Здесь меня по имени вряд ли кто мог приветствовать. Разве что Даша, которой тётка по телефону подробно описала и меня, и мой навыпуск серый батник, и джинсы, не понравившиеся ей своей эпатажной потёртостью.

– Андрей! Вы, наверное, кроме львят, никого больше и не замечаете! – Девушка в модной соломенной шляпке с ниспадающими из-за полей такими же светлыми соломенными волосами улыбалась мне с лёгким присутствием ироничности в уголках губ и, кажется, готова была меня слегка отчитать за минутную отвлечённость. Хотя вряд ли бы она стала это делать. Как-то не вязалось это с её смешливыми нежно-бирюзовыми глазами, да и всем обликом, который, надо сказать, некоторыми запоминающимися сразу чертами был мне как будто бы и знаком. Ну где-то я видел (не в том ли фолианте, что разглядывал на диване!) эти полуоткрытые в улыбке губы с холодком белоснежных зубов и этот классический античный овал лица, а также легко угадывающуюся за складками платья-туники тонкую стройность фигуры.

Во всяком случае, я мгновенно согласился с ощущением, что именно такой я и представлял Дашу, когда говорил с ней по телефону: выразительно яркой и непременно со светлыми прямыми волосами, ниспадающими и спутанными слегка всё тем же игривым южным ветерком, заигрывавшем незадолго до этого с двумя оранжевыми бабочками у роскошных цветочных клумб в сквере.

Я нескромно разглядывал её, чувствуя, что в горле слегка запершило. Даже язык онемел поначалу. Хорошо, что с красивыми девушками у меня вовремя проявлялось второе дыхание.

– Привет, Даш! Надеюсь, ты пришла не раньше меня?! – наконец, собравшись, невозмутимо, уже как старой знакомой, ответил я на её приветствие, стремясь с самого начала показать ей на всякий случай абсолютную свою независимость. Показать это уверенно, даже немножко небрежно, именно потому, что она всё-таки была назначена чему-то меня учить, а точнее – заняться моим английским, со всей серьёзностью и ответственностью порученного ей дела.

– Нет-нет, я только что подошла, – быстро ответила Даша и добавила, стараясь принять строго деловой вид, что очень рада нашему теперь уже и очному знакомству и что она, конечно, надеется на плодотворную работу со мной.

В эту минуту, глядя на Дашу, мне показалось, что примерно так говорят учителя в её учебном заведении, когда на первом уроке входят в класс и официально знакомятся с учениками, при этом всем своим видом дают понять, что скидок и поблажек никому не будет.

«Интересно, а будет ли учтён хотя бы мой статус родственника директрисы и то, что я приехал сюда всё-таки не зубрить лексические минимумы, а отдыхать и набираться на пляже солнечной южной энергии!» – всё так же, не сводя с неё глаз, подумал я.

Даша между тем открыла свою розовую сумочку, что висела на тонком длинном ремешке у её гибкой талии, и достала небольшую книжицу в мягком синем переплёте, название которой я не заметил, не придав этому значение. Мысли были о другом.

– А я тебя представлял совсем не такой, – тут же запустил я свою наживку, произнеся это к тому же с неприкрытой ухмылкой лишь для того, чтобы продолжить выбранную линию независимого поведения и выяснить её реакцию на это.

Но она не повелась на это. Я не услышал в ответ: «А какой же ты ожидал увидеть меня?!» – что было бы прекрасной возможностью обсудить, к примеру, не только её красивые миндалевидные глаза, но и очевидные другие прелести.

Сдержанно улынувшись на мою реплику, она попросила взглянуть на книжку, которую открыла на первой странице. Только теперь я разглядел, что это был небольшой словарь английской фразеологии.

Тонкими пальцами она быстро отсчитала несколько страниц и заявила, что к первому занятию мне необходимо будет наизусть выучить отмеченные ею разговорные фразы. И вдобавок к этому, подчеркнула она, я должен буду эти разговорные фразы уметь быстро и безошибочно писать в виде диктанта.

«Ничего себе! – Я чуть было не выронил этот разговорник на косматую голову одного из львов. – Даш, ты в своём уме!» – примерно так захотелось едва ли не сразу вскрикнуть от такого запредельного, по моим меркам, задания, отбросив весь свой политес и отшлифованный в дворовых дискуссиях утончённый стиль разговора.

С трудом взяв себя в руки и оглянувшись на проходивших в музей посетителей, точно надеясь получить у них поддержку, я как можно сдержаннее, но с лёгкой дрожью нарастающего протеста в голосе произнёс:

– Даша! ты, кажется, хочешь невозможного... Я за все годы в школе столько не зубрил! Мне и одной страницы за глаза хватит! Тем более, что надо ещё как следует настроиться и вспомнить английский алфавит.

С алфавитом я, конечно, загнул. Но у меня тут же созрел план попробовать немного снизить уровень своего английского, как бы подзабыть его, чтобы хоть первое время не слишком напрягаться. Правда, забывать особо-то было нечего, если не считать несколько куплетов из битлов, которые я при желании мог воспроизвести под пару аккордов на дребезжащей гитаре. Впрочем, гитара осталась дома, а без неё вряд ли бы получилось что-то путное.

Несмотря на мой стихийный протест, Даша вручила мне разговорник примерно так же, как вручают букварь капризному отроку, напутствуя и поощряя его ободряющей улыбкой, и заверяя, что на первый раз запомнить с полсотни английских фраз совсем не трудно. Наверное, она следовала какой-то методике, говоря, что завтра мне нужно будет с утра, как только встану,

не спеша прочесть вслух отмеченные ею фразы, затем записать их на бумаге, а днём и перед самым сном всё повторить в том же порядке. А занятие со Стелой Александровной, назначенное мне тётушкой как раз на завтрашний день, о чём я быстро напомнил Даше в надежде существенно сократить непосильное задание, помехой не будет. «Потому что, – заявила она убеждённо и очень уверенно, – десять минут утром, а также днём, не говоря уже о вечере, всегда можно найти в своём свободном времени».

«О, моё свободное время!» – Я патетически закатил глаза и картинно схватился за голову, изображая приступ отчаяния. Но и эта короткая пантомима с пафосным звуковым сопровождением не подействовали. Видать, тётушка хорошо проинструктировала свою лучшую ученицу на счёт возможных моих импровизаций, как и на все случаи жизни.

«Ну хорошо, Даш! – Я всё ещё не терял надежды на уступки. – Давай всё-таки серьёзно посмотрим на вещи и обсудим всё разумно и с пользой для дела, как того желает Зоя Дмитриевна. Я уверен, что Зоя Дмитриевна просто-напросто старается чем-то полезным занять меня. Так сказать, заполнить мой досуг. Но мы-то с тобой всё понимаем и можем подойти к делу гораздо интереснее и с большей пользой. И Зоя Дмитриевна будет довольна и спокойна...»

Однако и это весьма благоразумное и компромиссное предложение, как последняя попытка обсудить и учесть мои скромные пожелания, закончилось безрезультатно. Даша вежливо попросила неукоснительно следовать её рекомендациям и, решительно накинув на плечо ремешок своей сумочки, предложила пройти в музей, потому что уже подошло время начала экскурсии, о чём негромко возвестил и звонок, приглашая всех желающих на обзорную лекцию.

«Неужели ей так интересен весь этот детский сад с нудными уроками и заданиями, когда рядом море, пляж и множество других занимательных вещей», – недоумевал я, входя поспешно вслед за ней в двери музея и непроизвольно отмечая точёную изящность и привлекательность линий её спины, талии... лодыжек. Скользящий взгляд мой, кажется, метался и ловил все изгибы её тонкой фигуры и был в растерянном восхищении, но мысли приходили не очень оптимистичные.

Не очень-то мне нравилась её принципиальность. Наверное, этой её неуступчивости и принципиальности сейчас на своём балконе бурно радуется тётушка, пританцовывая вприсядку и хлопая в ладоши.

«И всё-таки, – подумал я с подступившим тут же ощущением чего-то упущенного по собственной же вине, – всё-таки надо было так же, как и она, сразу без проволочек ставить свои условия. А я теряюсь, точно первоклашка перед строгой училкой, стараясь понравиться. Хорош столичный гусь!»

С некоторым недовольством на себя, в специальных войлочных музейных тапочках, надетых поверх кроссовок, я заскользил по лаковому паркету в хвосте небольшой экскурсионной группы за пожилым лысым экскурсоводом, энергично размахивавшим во все стороны указкой, точно мушкетёр рапирой.

Без особого интереса я разглядывал то геологическую панораму дна морского, то ракушки и камни, представленные в стеклянных кубах, то какую-то окаменелую растительность, особо ничем не примечательную, разве что своим бурым многомиллионным возрастом.

Даша же с интересом слушала обстоятельную лекцию энергичного старичка-мушкетёра и следовала за ним в первых рядах самых любознательных слушателей, не забывая по возможности держать и меня в поле своего зрения.

Неторопливо пройдя, словно на лыжах без палок, пару залов, я отметил, что этот провинциальный музей, конечно, не мог сравниться количеством экспонатов со столичными, где можно было легко потеряться в многочисленных залах или поиграть в прятки, что мы, кстати, и делали, когда нас в начальных классах приобщали к культуре. Тем не менее кое-что любопытное было представлено и здесь.

Меня действительно заинтересовал небольшой раздел с оружием в зале древней истории, где я задержался, несмотря на то, что именно здесь мне снова стало недоставать положительных эмоций, после того как Даша посоветовала зрительно запоминать надписи на английском у археологических экспонатов, обещая протестировать позже скрытые возможности моей памяти. Я сдержанно кивал ей, думая про себя, как бы всё-таки убедить её, что возможности моей зрительной и прочей памяти безграничны, если не слишком меня напрягать всякими заумными методиками.

Наконец в одном из залов, где по периметру были навешаны женские платки и всевозможные одеяния позапрошлого века и где, как и повсюду, были продублированы на английском описания экспонатов, мне стало совсем скучно, о чём немедленно захотелось поделиться с Дашей в её розовое и такое привлекательное ушко. Но каким-то шестым чувством я понял, что именно в этом зале вряд ли она поймёт моё желание закружиться с экскурсией и незаметно свернуть к выходу, унося на память меж страниц в английском разговорнике незатейливую программку музея.

К моему везению, вскоре вволю нафехтовавшись, услужливый лысый старичок, по-видимому, основательно подустав или, скорее всего, прочитав мои мысли, вдруг старомодно шаркнул ногой и, спрятав свою рапиру за спину, не без кокетства прокартавил, что его лекция окончена. В заключение, предложив осмотреть оставшиеся два зала самостоятельно, он под неожиданные для меня аплодисменты трёх туристов пенсионного возраста, благодарно светящимися своими одухотворёнными лицами в этом скромном полутёмном музейном пантеоне, покинул нашу небольшую осиротевшую компанию экскурсантов.

«Брависсимо!» – вдогонку ему негромко вскрикнул и я, поощрив таким вполне цивилизованным способом за тонкое понимание момента, когда нужно смыться, не навлекая моих испепеляющих взглядов.

Когда мы с Дашей, закончив, наконец, осмотр всех экспозиций и пройдя каким-то тёмным боковым коридором, снова оказались на улице, солнце, как говорилось у одного из классиков, уже золотило верхушки стройных кипарисов и тополей. Дневная жара спала, и был тот чудесный час, когда природа на юге словно оживает после жаркого всевластия солнца и по-новому преображается, удивляя своей красотой и совершенством, особенно тех, кто это видел и ощущал, можно сказать, впервые.

Запах цветов усилился, в воздухе появилась вместе с тем и какая-то бодрящая свежесть. И красивые южные бабочки, наверное тоже взбодрившись, жизнерадостно и оптимистично стали порхать перед нами не только изысканно-красивыми парами, но и беспечными шелковистыми кампаниями, дополняя общую картину благоденствия.

Настроение моё снова было приподнятым и, кажется, ничто не могло его испортить, когда рядом была такая девушка, как Даша.

По пути в тени ветвей какого-то громадного дерева нам попалось небольшое уютное кафе-мороженное, куда я тотчас и предложил зайти. Но Даша спешила показать мне в парке некий исторический памятник-фонтан, который, видимо, входил в перечень обязательных объектов, утверждённых тётушкой.

– Наверно, Зоя Дмитриевна строгий и привередливый директор, – поинтересовался я у Даши.

– Совсем нет. Мы все её очень любим и уважаем за её требовательность, доброту и особенно за её душевность, – неожиданно разоткровенничалась Даша – видать, волшебная умиротворённость природы, вся её благостная атмосфера подействовала и на неё.

– А как же строгий распорядок! Кажется, душевностью там не слишком пахнет, если в такую жару Зоя Дмитриевна не пускает на пляж и парит вас всех за партами, – начал я скрытый подкоп под устои тётушкиного учебного заведения. Хотелось также между делом договориться с Дашей о посещении пляжа – мне уже как-то не представлялось загорать там без неё.

– Нет-нет, никто нас за партами не парит! Я вчера с удовольствием загорала и даже немного перебрала с солнцем!

– Ага, значит, распорядок дня не такой уж и строгий... А по телефону я слышал совсем другое, – тут же укорил я её.

Даша слегка смутилась и ответила, что сегодня она действительно была очень занята в связи с подготовкой в библиотеке к очень ответственному поручению...

– Да-да, знаю, – перебил я её, – и твоё поручение знаю – заменить мне отдых своими ду... заданиями. – Кажется, я вовремя спохватился, прикрыв рот ладонью.

С языка едва не слетело целиком всем известное слово. Но и полслова не воробей. Даша легко поймала его окончание.

Она остановилась и выразительно посмотрела мне в глаза:

– Андрей, давайте не будем снова возвращаться к обсуждению моего задания!

И тут я вспомнил о разговорнике, который она вручила мне. Похоже, я оставил его в музее, когда снимал эти дурацкие войлочные лыжи.

Даша вопросительно и взволнованно смотрела на меня. Кажется, она уже всё поняла и хотела что-то сказать, но не успела. Я с поспешностью опередил её:

– Успокойся, ничего не надо говорить... я сейчас, я быстро...

Усадив её на скамейку парка, по которому мы шли и где сквозь зелень деревьев уже просматривалась местная достопримечательность – памятник-фонтан в виде какой-то одинокой скульптуры, стоящей на струящейся ручейками каменной глыбе, – я бегом бросился к музею, припоминая на ходу, что мне случилось в самый неподходящий момент бегать и на более длинные дистанции, когда, как и сейчас, меня точно вожжами подгоняла досадная пустяковая оплошность.

Под ногами мелькала брусчатка тротуара, а я то ли философствовал, то ли просто успокаивал себя, ускоряясь и заставляя оглядываться, а иногда и шарахаться в сторону всех, кто был на пути: «Спокойно, спринтер, спокойно... дыши глубже, в жизни бывают и более идиотские ситуации...» Благо, что музей был не так далеко, и я через пару минут стоял у наглухо закрытых его дверей и пытался достучаться. Но, видать, немногочисленные его работники, как и положено было им, отработав до конца рабочего дня, с чувством исполненного долга тут же покинули этот остов культуры, переместившись до следующей трудовой вахты к своим тёплым семейным очагам.

Наградив на прощание увесистым пинком массивную дверь и глянув на дремавших львов, – им было глубоко наплевать на мой вызывающий демарш, как и на мою проблему, – я ускоренным шагом, вперемежку с короткими перебежками, стал двигаться в обратном направлении, на ходу стараясь придумать что-нибудь утешительное для Даши.

– Музей уже закрыт! – увидев её, крикнул я ещё издали. А затем, подбежав и учащённо дыша, как гончая после безрезультатного забега в семь вёрст, выдохнул: – «Придётся мне завтра прийти пораньше к открытию музея и забрать словарь, делов-то!»

Но Даша сразу отвергла этот до гениальности простой и логичный план:

– Музей откроется завтра в десять, а вам, Андрей, к этому времени необходимо уже быть в классе за партой, – сухо и глядя в сторону, ответила она.

– Даш, что ты мне всё «Вы!» да «Вы!» – вспылил я. – Я же не виноват, что боги сегодня не слишком расположены к твоему английскому. Пожалуйста, успокойся, Стелла Александровна полчаса подождёт. Ничего с ней не случится. Скажу, что ошибся остановкой или, в конце концов, автобус сломался.

Однако Даша категорично заявила, что к десяти она сама заскочит в музей, а мне опаздывать нельзя, потому что в этом случае занятие у Стеллы Александровны будет сорвано и нарушится график всех последующих.

– А я, между прочим, на занятие к Стелле Александровне всё равно не пойду – и не собирался! – храбро произнёс я и с вызовом по слогам отчеканил: – Вообще-то я приехал сюда *от – ды – ха – ть!*

У Даши округлились её миндалевидные глаза и ресницы задрожали то ли от негодования, то ли от растерянности.

И в этот момент я неожиданно даже для себя быстро притянул её к себе и поцеловал в губы, мягко придерживав левой рукой её модную соломенную шляпку, чтоб та не свалилась с её головы.

Забегая немного вперёд, замечу, что небо не обвалилось после этого, да и памятник-фонтан всё так же маячил сквозь листву совсем недалеко от нас и даже не переместился от тектонического сдвига, что произошёл в ту минуту где-то в начале парка, рядом со скамейкой, у которой мы находились. Правда, как только она вырвалась из моих объятий, мне сразу же пришлось кое-что выслушать в свой адрес... И все эти эмоции, выраженные с чувством и искренним негодованием, кажется, были ею в волнении повторены дважды, а то и трижды: «Что вы... что вы себе, Андрей, позволяете! Как вы смеете! Вы просто... просто невоспитанный хам...»

Я сконфуженно молчал, всё ещё находясь под сильным, ошеломляющим действием неожиданного поцелуя. Даша тоже находилась в некоторой растерянности.

Поправив сбившуюся на затылок шляпку, она села на скамейку и подрагивающими пальцами нервно пыталась открыть свою розовую сумочку.

Может, она хотела вытащить маленький дамский револьвер и выстрелить в меня. Впрочем, я готов был даже пострадать, ведь я всё-таки успел почувствовать нежный, непередаваемо притягательный вкус её губ, несмотря на всю скоротечность поцелуя. В голове моей по кругу всё ещё вращался этот дивный миг. Как это было восхитительно и неопишимо! На моём лице, кажется, блуждало блаженство.

– Андрей, если это ещё раз повторится, я напишу докладную записку и откажусь от занятий с вами, – тихо, но вполне отчётливо произнесла Даша, взяв наконец себя в руки и вернув себе своё самообладание.

Она достала зеркальце. А я, осторожно пристроившись рядом, молча сидел и сопел, показывая всем своим видом, что я ни в чём не виноват. Так случилось.

– Как будто у вас на переменках не целуются и не обнимаются по-дружески, – попробовал я разрядить атмосферу, надеясь, что слишком сердится она не будет.

Она и не сердилась, только, когда мы шли к фонтану, она не проронила ни слова, о чём-то раздумывая. У неё был очень красивый профиль лица. Я украдкой поглядывал на неё, не зная, как теперь разговорить её.

У фонтана былолюдно, наверное, ещё и потому, что все дорожки парка вели сюда. Южный вечер уже вступил в свои законные права, но, несмотря на это, довольно много детей с криками носились вокруг круглого бассейна и с восторгом норовили потрогать руками прозрачную воду или дотронуться до хрустальных тонких струй, веером распадавшихся с двухметровой высоты каменной глыбы, на которой стояла в натуральный рост скульптура молодой девы. Взор девы был устремлён вдаль, в сторону заходящего солнца, в соответствии с модным некогда в среде скульпторов стиле-порыве: она ждала последнего луча, чтобы сказать что-нибудь типа: «Прощай, милый!» – изготовясь без страха и упрёка броситься со скалы или обрыва в какую-нибудь подходящую бездну.

Даша тоже оживилась при виде фонтана, и немая пауза, которая висела между нами, благополучно завершилась.

– Андрей, обратите внимание на мемориальную табличку. Памятник был сооружён в середине девятнадцатого века на средства известного местного мецената в дар своему городу, – начала она с воодушевлением свою импровизированную лекцию. – Кстати, в музее, где мы

были, как раз и жил в то время этот меценат. Это был его огромный дом, в котором он и скончался вскоре после того, как был сооружён памятник-фонтан.

– А кто эта девица и что она делает на камне? – спросил я, чувствуя, что для налаживания общения крайне необходимо проявить жгучий интерес к начавшейся лекции.

– Скульптурное изображение девы сделано в память о юной жене мецената, которую тот безумно любил... и которая погибла, упав со скалы в море. Очевидцы говорили, что она сорвалась случайно, но многие и по сей день считают, что она это сделала из-за неразделённой любви к молодому художнику, которому покровительствовал меценат. Впрочем, история запутанная, всё уже поросло билью, и никто не знает, что было на самом деле.

Сказав это, Даша замолчала, а я, удивившись своей проницательности по поводу безысходного броска девы, высказал ещё одну – точнее, свою собственную версию: мол, меценат из ревности сам столкнул её со скалы вместе с шустрим художником, который, предположил я, наверняка рисовал её обнажённой и любовался её наготой. «...А скорее, – многозначительно рассуждал я, – не только любовался...»

На это Даша, улыбаясь, заметила, что у меня очень хорошо развита фантазия, а значит и память, что очень неплохо для изучения языков.

Мы обошли фонтан по кругу и, немного постояв у бассейна и всё ещё обсуждая мецената, молодого художника и юную деву, направились к старой набережной, где, по словам тётушки, была смотровая площадка и отличный вид на море.

– Андрей, а что из английских слов вы запомнили в музее на табличках? – поинтересовалась Даша.

Кажется, она собиралась мимоходом протестировать мою память.

– Ничего не запомнил, не досуг было, я слушал лекцию экскурсовода, – ответил я не очень довольный тем, что мы ушли от интересной мне темы взаимоотношений девы и художника.

– А я не верю, что так ничего и не запомнилось! Ты просто не хочешь продемонстрировать мне возможности своей зрительной памяти.

Она и не заметила, что перешла на «ты». Но я-то это сразу уловил, хотя и вида не подал. И, конечно, моя зрительная память в связи с этим кое-что вспомнила, и кое-что тут же пришло мне на ум. Я глянул на Дашу и изрёк на своём школьном английском: «no smoking... hands not to touch...» Именно эти словосочетания на табличках и мелькали более всего в залах, даже рябило в глазах.

Затем, продолжая уже на своём родном, я заметил, что достаточно бы было вывесить всего пару таких табличек в билетной кассе – и даже какому-нибудь недалёкому Васе сразу бы стало ясно и понятно, что в этом музее не курят и руками экспонаты не трогают, да и в самих залах внимание от экспонатов не отвлекалось бы попусту.

Сказав это, я посмотрел на реакцию Даши, вполне довольный своим остроумным уходом от ответа по существу, как и изящной отвлекающей критикой в адрес музейных администраторов.

Даша негромко рассмеялась и сказала, что зрительная память у меня на удивление избирательная. «Вот только над произношением надо хорошо поработать», – добавила она сквозь смех.

«Ну вот, блеснул познаниями! – мелькнуло в голове. – Теперь жди ещё какую-нибудь учебную методику».

– Андрей, а ты куришь? – неожиданно спросила Даша, снимая свою шляпку и поправляя волосы, в которых сразу же запутался лёгкий ветерок.

Мысль о том, что она теперь собирается перед походом в очередной музей проверять спрятаны ли у меня в карманах сигареты, была до нелепости смешна, и я, конечно, отогнал её прочь.

– С друзьями бывает иногда, а ты? – в свою очередь, скорее по инерции, задал я ей тот же вопрос, попутно наблюдая, как она быстро и уверенно справилась со своими красивыми длинными волосами.

Она опять рассмеялась, ответив гортанно: «I do not smoke... I never smoked!» И я не мог не отметить её идеальное произношение и даже повторил мысленно про себя эту короткую английскую фразу (видимо, новая методика уже заработала). Я также отметил и то, что у неё негромкий очень красивый смех. Мне теперь хотелось, чтобы она как можно чаще смеялась.

Незаметно мы пришли на старую набережную.

Солнце дарило спокойному морю свои последние лучи и готовилось упасть куда-то за горы. Гуляющий по набережной народ большей частью двигался нам навстречу, но многие, как и мы, задерживались и ждали захода солнца. На смотровой площадке-пирсе, выдававшимся метров на пятьдесят в море, для нас нашлось удобное место у тусклого разгорающегося фонаря. Даша сдержанно радовалась, что мы успели к закату и теперь наблюдали, как распростёртая перед нами водная гладь изменчиво тасовала свои нежные краски, точно настоящий игривый хамелеон. Но красивое зрелище быстро закончилось, солнце скрылось. Люди потянулись в парк, в кафе и рестораны. А Даша засобиралась домой и, несмотря на мои протесты и предложение ещё немного погулять по набережной, многозначительно посмотрела на свои часики.

– Ах, да! У тебя же строгий распорядок, я и забыл, – попробовал упрекнуть я её, и попутно уже выискивал повод хоть немного задержаться.

– Нет-нет, мне, действительно, уже пора, – сказала она, улыбаясь моей настойчивости.

– Тогда я тебя провожу, – тоном, не терпящим возражений, произнёс я, глядя на неё почти в упор.

– Ну, хорошо... если только до автобусной остановки, – неуверенно согласилась она, улыбнувшись опять краешком губ.

А следом я неожиданно для себя узнал, что Даша живёт совсем даже не в центре городка, в какой-нибудь симпатичной четырёхэтажке с уютным небольшим двориком, – так почему-то представлялось мне, – а в небольшом студенческом общежитии тётушкиного учебного заведения.

«Что ж тут странного! У нас ведь все учащиеся проживают в интернате, в прекрасном общежитии», – заметила она на немалое моё удивление.

Спустя ещё пару минут выяснилось, что и само учебное заведение моей тёти мало было похоже на то, что рисовалось у меня в голове. В реальности оно представляло собой, в общем-то, типичное и часто встречавшиеся в те времена учебные заведения пансионного типа, в которых после восьмого класса школы можно было продолжить учёбу и получить среднее специальное образование – в данном случае девушки обучались и специализировались на изучении библиотечного дела, иностранных языков и литературы. Специализированная женская школа-интернат – так, кажется, это звучало на официальном языке – находилась в прекрасном месте, совсем недалеко от города, в небольшом комплексе зданий. Когда-то в этих зданиях располагался то ли загородный дом отдыха, то ли санаторий.

Пока мы шли к автобусной остановке, я не только успел получить некоторые сведения об интернате, но успел попутно также выведать и то, что Даша уже перешла на последний курс и после его окончания планирует продолжить образование в институте иностранных языков.

«Молодец! – похвалил я её за целеустремлённость. – А я вот ещё толком не решил куда податься. Отец настаивает на экономическом, но у меня туда почему-то душа не лежит».

На автобусной остановке неожиданно для меня оказалось несколько небольших молодёжных компаний. Все шутили, смеялись и громко разговаривали в ожидании транспорта. Увидев очередное удивление на моём лице, уже по поводу скопления молодых людей, Даша пояснила, что в одном из загородных домов отдыха каждый вечер почти до утра проводится большая

дискотека, и куда чуть ли не со всего городка стекается молодёжь. «Очень популярное место у нас в городе», – добавила она к сказанному.

– Ты, наверно, по пути тоже заглядываешь туда? – поинтересовался я, разглядывая ближайшую компанию.

– Нет, я там не была, – ответила она просто. – У нас в интернате тоже бывают свои танцевальные вечера, но сейчас почти все разъехались на каникулы...

– Интересно, а ваши танцевальные вечера – это когда девочки танцуют с девочками?

– Бывает и так, – улыбнулась Даша, – но чаще к нам организованно приезжают мальчики из школы юнг, а иногда и курсанты из мореходки.

– О, курсанты, аксельбанты и кинжалы на боку! – пошутил я.

Услышав о дискотеках в учебном заведении моей тётушки и о курсантах, я проявил уже большой интерес непосредственно к внутренней жизни интерната. Захотелось больше узнать о специфике пансионного обучения, об учащих и преподавателях, которых связывали доверительно-уважительные отношения, перераставшие в дружбу. Вопросы возникали сами собой – и Даша легко откликнулась на них. Она даже слегка увлеклась, с упоением рассказывая о своём любимом интернате... А меня из её рассказа опять впечатлило то, что интернат располагался в лесистой местности, почти что на берегу моря. На вопрос о том, коль рядом море, то все, наверно, с утра до вечера нежатся на тёплом песочке, она ответила, что как раз наоборот – никто сейчас на берег не ходит, так как его сильно разрушил большой зимний шторм и купаться там опасно и строго запрещено, а загорать из-за валунов и огромных камней практически невозможно. «Теперь всем нам приходится ездить на городской пляж...» – слегка вздохнув, добавила она.

Говоря о своём интернате, Даша невольно раскрыла и некоторые его довольно-таки неожиданные, на мой взгляд, особенности. Например, то, что педагогический коллектив был практически женским. Только один мужчина был представлен в этом женском царстве – тренер по физкультуре. Были, правда, ещё и завхоз, и садовник (оба пожилого возраста), и весёлый водитель средних лет, забавно говоривший мягким южнорусским говорком, – но они относились к обслуживающему персоналу и заняты были в основном только своими хозяйственными делами.

– А тренер, наверно, молодой и красивый, и вы, конечно, все в него влюблены, – пошутил я, помня мудрость, что в каждой шутке есть доля истины.

– Игорь Николаевич прекрасный преподаватель, очень добрый и весь отдаётся своей любимой работе, – ответила с лёгкой смущённой улыбкой Даша.

В эту минуту, посигналив, подкатил небольшой микроавтобус. Мест в его салоне, конечно же, всем не хватило и мы, как и часть молодых людей, стали дожидаться следующего.

Шутливо помахав ладонью вслед ушедшему автобусу, Даша весело сказала, что в курортный сезон в вечернее время автобусы курсируют даже чаще, чем днём.

– «Понимаю, ночная жизнь большого города бьёт ключом», – тут же в ответ заметил я, а сам подумал, что с удовольствием бы пропустил ещё пару-другую автобусов, чтоб успеть договориться с Дашей на завтра и о пляже, и о каком-нибудь уютном не слишком шумном вечернем кафе с последующим созерцанием, конечно же в обнимку с ней и с совсем даже не случайным, поспешно сорванным, поцелуем, величественного рассвета где-нибудь на тёплом песке пустынного берега. Эта славная мысль, как лёгкая ночная полутень порхающей бабочки, затрепетала у меня в голове своими вполне реальными очертаниями. Не теряя времени, я сразу же спросил Дашу:

– А где я увижу тебя завтра? Мне ж понадобится словарь. Надо ведь учить и слова, и фразы, чтоб успеть запомнить их к твоему занятию.

Даша недоверчиво посмотрела на меня:

– Вот не ожидала такого настроения!

– Да-да, я очень ответственный и очень серьёзно отношусь к любому делу, – произнёс я голосом диктора центрального телевидения.

После таких своих слов я даже слегка поменял осанку.

– А у меня поначалу сложилось немного другое впечатление. – Даша с недоверчивой улыбкой продолжала смотреть на меня. Глаза её тоже смеялись.

– Ты плохо меня знаешь, Даша! – Я уже всю любовался собой со стороны.

Замечу, кстати, что я совсем неплохо смотрелся рядом с Дашей. На нас даже откровенно оглядывались. Я это сразу засек – мол, какая прекрасная влюблённая пара мило беседует о чём-то у автобусной остановки!

Хотя, скорее исключительно на Дашу пялились эти длинноволосые местные пацаны и если б не я, то они точно бы полезли знакомиться с ней.

– Даш, а к тебе не пристают на улице? Ты не боишься возвращаться вечером одна? Я могу прокатиться с тобой до твоего общежития, *ноу* проблем, – почти по-английски сказал я. (Кажется, новая методика каким-то образом уже реально стала проявляться в моей речи.)

– Что ты! У нас городок небольшой и почти все друг друга знают, – ответила она, ненавязчиво поправив мой английский в произношении.

– А приезжие? – не унимался я. – Они ведь любят не только пляж и *шоппинг*, им подавай ещё и большую романтическую *Love*. (Опять ко мне как-то ненавязчиво подклеились «импортные» слова.)

– Приезжие у нас образованные и культурные... – Дашу стал разбирать смех от моего произношения и коверкания английских слов. – А словарь я предам завтра в интернате, когда ты будешь на занятиях. Смотри не опаздывай.

Насчёт пляжа я так и не успел договориться – неожиданно подошёл вместительный автобус и Даша, мило улыбнувшись и быстро попрощавшись, уехала, махнув мне пару раз рукой из открытого окна автобуса.

Проводив взглядом автобус за поворот, я пошёл на набережную. Идти спать пока не хотелось. В голове роилось много ярких, радужных картин и впечатлений от такого незабываемого, очень длинного дня. Хотелось как-то всё расставить в ней по полкам.

Вроде ещё утром маялся в поезде, и вот я на юге – вокруг столько впечатлений и событий! И все это калейдоскопически вращалось теперь вокруг Даши.

Я пересёк уже знакомый мне сквер с пышными клумбами цветов, распространявших всё те же стойкие ароматы, и каким-то другим путём вышел к набережной. Уже стемнело. На юге очень быстро темнеет. Освещённая набережная всё ещё была заполнена отдыхающими. Встречались и пожилые пары, неторопливо прогуливающиеся перед сном. Недалеко виден был и тот пляж, на который мне так хотелось заскочить, когда я шёл в музей. И меня как магнитом снова потянуло на этот небольшой аккуратный пляж, где в тёплой морской воде всё ещё купались люди и, кажется, не собирались отправляться по своим домам. Отказаться теперь от купания, конечно, я не смог.

Спустившись по небольшой гранитной лестнице и утопая кроссовками в песке, я подошёл к ближайшему лежаку и, быстро раздевшись, бросился в воду. Непривычный, но как будто очень знакомый мне с детства вкус солёной морской воды сразу же проявился на губах. Усталость дневная мигом ушла. И тут же удивительное чувство восторга и радости охватило меня. Нырнув пару раз и сделав что-то похожее на кульбит в воде, я вышел и, натянув на мокрое тело джинсы и батник, в прекрасном настроении бодро зашагал домой.

Двор был слабо освещён, впрочем, как и улица. Но, несмотря на это, я, уверенно ориентируясь, проследовал к подъезду. Где-то рядом в темноте брэнчала гитара и раздавался смех. На лавочке у тусклого подъездного плафона сидели две бабульки и мирно беседовали. Поздоровавшись с ними, я быстро поднялся на второй этаж. Тётушка, конечно, уже давно поджидала меня и даже слегка волновалась.

– Андрияша, ну где же ты пропадал! Наверное, сильно проголодался. Иди руки мой и садись, поешь, а то скоро спать. У нас ночи тёмные, южные, спать хочется рано.

Я накинулся на еду, а тётя начала расспрашивать, понравился ли мне город, что особенно запомнилось в музее, и вообще, как прошла экскурсия в целом?.. Она даже поинтересовалась, не нагрубил ли я Даше, не обидел ли чем её. «...Ведь Даша Невицкая, несмотря на свою юность, очень требовательная и настойчивая девушка... и вместе с тем она очень чувствительная и ранимая...» – уважительно с любовью говорила о ней тётя.

«Да уж, требовательности и настойчивости у Даши не отнять, – подумал я. – Тётя может быть довольна – достойная подрастает смена...»

Тётушка спросила и о моём настрое на предстоящие занятия со Стеллой Александровной. Видать, это занимало её теперь более всего.

«Не проспи, – говорила она, разбирая мне постель, – я-то уеду рано. У меня совещание в городском отделе образования. А у себя в интернате буду только к концу рабочего дня... И после занятий обязательно зайди домой и хорошо поешь. На пляж успеешь, – монотонно давала она мне свои наставления».

Я соглашался, кивая ей сонно головой, и сразу, как только у меня был выключен свет, мягко провалился в бездну.

В этой бездне, стуча колёсами на стыках рельсов, мчался в сторону моря поезд. На каком-то полустаночном перроне промелькнул отец со скрученной газетой в руке. Кажется, он был весел. Наконец, чуть ли не въехав в накатывающие волны, голубой поезд остановился как раз там, где на тёплом песке меня встречала Даша. Рядом, раскачиваясь в гамаке, листала свои фолианты моя жизнерадостная тётя и, что-то разглядев там, радостно била в ладоши. И какой-то суетливый старичок в порванной белой рубаше о чём-то спорил с машинистом поезда и обломанной указкой грозил ему. А я, кажется, уже обнимал Дашу... Потом мы с ней плавали, плавали... Сладкий был сон.

4

Сквозь крепкий утренний сон я всё же слышал, как хлопнула дверь за уходящей тётушкой, и тотчас же оглушительно затрещал где-то в зале будильник, хотя на самом деле между этими событиями прошло достаточно много времени. Тётя, видать, оставляя в зале будильник, надеялась, что я вскочу и пойду его отключать, а попутно проснусь окончательно. Этот трюк мы с отцом давно уже прошли. В отцовском арсенале в последнее время были более тонкие инструменты и ребусы, которые, впрочем, я щёлкал как орешки, несмотря на его изобретательность и всевозможные ухищрения.

Я лежал не шелохнувшись в своей комнате, пока будильник не перешёл на хриплое недовольное клокотание. Вскоре его мерзкий звук иссяк, и он заткнулся. Только после этого, дождавшись своей окончательной победы над ним, я неторопливо встал и, собрав на себя часть солнечных лучей, пробившихся сквозь ослепительную щель штор, направился в ванную, где душ быстро привёл меня в бодрое состояние.

На кухне мне был приготовлен завтрак и лежала записка, чтобы я ни в коем случае не уходил голодным и не оставлял завтрак врагу, – известная присказка для доверчивых подростков. Для тётя, видимо, я навсегда так и остался тем непослушным наивным ребёнком, что разбойничал на старых семейных фото.

Есть особо не хотелось. Поэтому слегка лишь поковыряв омлет, ароматное блюдо пришлось целиком засунуть в забитый продуктами холодильник. Туда же последовали и два огромных нетронутых бутерброда с сыром и ветчиной, а также разрезанная надвое сдобная булочка с маслом и вишнёвым джемом. Этот завтрак Гулливера мне, конечно, при любых обстоятель-

ствах было не осилить, даже если б на помощь пришёл отец и наш необычайно прожорливый и наглый кот Мурзик.

Времени было ещё достаточно, и я, впившись зубами в спелую мякоть одного из персиков, которые с моим приездом никогда не убывали в массивной стеклянной вазе, отправился в зал собираться к первому своему визиту в тётушкино учебное заведение, где уже, наверно, поджидала меня достопочтенная Стелла Александровна.

Но для начала, проскользнув голым торсом между штор, я вышел на залитый утренним солнцем балкон и осмотрелся.

Внутренний дворик, который я всё ещё толком так и не разглядел, смотрелся со второго этажа вполне дружелюбно и по-своему привлекательно, как и разросшиеся декоративные кусты шиповника, что росли внизу, пышно вытягиваясь почти до карниза балкона. Я почему-то подумал, что при желании запросто смог бы спрыгнуть к ним вниз, в самую кущу, и укрыться там в прохладной тени, на миг, как в детстве, ощутив себя единственным хозяином этого ветвистого и укромного шалаша... Но детство, слава богу, благополучно закончилось, а то б наверняка один из кустов превратился бы в глубоко законспирированный штаб, а уютный дворик приобрёл бы в моём лице своего самого неугомонного и непредсказуемого дружка.

Слева, на расстоянии вытянутой руки, на соседском балкончике красовался пустой пластиковый вазон для цветов (хорошая мишень для косточки от персика, которую я, подобно леденцу, гонял во рту), далее одиноко стояло плетёное кресло, где ярким пятном обозначилась оставленная кем-то белая пляжная панاما.

«Вот интересно! – подумал я. – Кто ж загорает на тесном балкончике, когда есть пляж и море?!» Я не успел закруглить свою мысль, потому как неожиданно, будто в ответ на мой вопрос, из створки дверей в ярко-жёлтом бикини и полупрозрачном пляжном парео, прихваченном лишь у талии, возникла изящная рыжеволосая девушка. У меня тут же перед глазами промелькнул образ Даши с её прекрасными чуть спутанными светлыми волосами. «Кажется, в этом южном городке в основном преобладают блондинки и рыженькие. Очень оптимистичная новость с утра!» – восторженно пронеслось у меня в голове и обдало точно весенним праздничным ветерком.

Быстро заняв своё место в кресле, девушка грациозно водрузила панаму себе на голову, но тут же, словно почувствовав на себе мой не в меру любопытный взгляд, откровенно изучающий особенности её фигуры, медленно повернула лицо, и мы встретились глазами.

«Вот это да! – подумал я, глядя в её удивлённые, застывшие глаза. – Откуда это мы такие славные!..» Но вслух буднично и лениво, незаметно избавляясь от косточки-леденца, уже мешающей мне, произнёс:

– Привет, меня зовут Андрэ, я тут живу... в гостях...

Я удивился, как она быстро справилась с ситуацией. Сверкнув вежливой белозубой улыбкой и спрятав глаза за полями панамы, она, выдержав секундную паузу, негромким серебристым голосом сдержанно ответила:

– Очень приятно, меня зовут Юлия, надеюсь, я вам не помешала!

– Нисколько, Юлёк! – в тон ей сразу же продолжил я. – Даже, напротив! Могу составить компанию для загара... – И тут же, спохватившись, добавил: – Но только не сейчас, не сейчас...

Глянув на часы, я ужаснулся – времени, для того чтобы добраться до учебного заведения моей тёти, оставалось совсем немного.

Ругая про себя все эти затеи с обучением, я тем не менее галантно перешёл на французский, сказав рыжеволосой Юлии «милль пардон, мадмуазель!» – единственное, что знал из французского лексикона и что легко было запомнить из прочитанных мной новел и романов, – после чего хотел было откланяться и покинуть свой балкон. Но я заметил, что Юлия не слышала или просто не поняла мой французский.

– Очень сожалею, Юлѐк! – повторил я уже на нашем с ней родном языке и добавил с лёгкой игривой вальяжностью: – Сейчас позагорать, увы, ну никак не получится. Меня ждут неотложные дела!..

Подчеркнув, чтоб она не слишком огорчалась, особую важность своих неотложных дел и намекнув даже чуть ли не на мировую их значимость, я, чувствуя себя необычайно раскованно, уже собирался покинуть общество симпатичной Юлии эдаким столичным мачо.

– Только смотрите, Андрэ, не опоздайте на своё занятие, у вас осталось всего лишь сорок минут, чтоб добраться, – отозвалась Юлия и, кажется, еле сдержалась от смеха.

Я не ослышался. Она так и сказала: «Не опоздайте, Андрэ...» Она явно была в курсе моих учебных дел здесь! Я тут же развернулся и услышал объяснение, что тѐтушка, уходя, очень её просила постучать мне в дверь и обязательно разбудить на занятия, если я буду продолжать спать, несмотря на звон будильника.

«А будильник звенел сквозь стену очень долго, я уж было заволновалась...» – добавила Юлия с улыбкой, которую я с удовольствием принял бы совсем по другому поводу.

Хлопнув балконной дверью, – а что мне оставалось делать, – я, вскочив в джинсы и на бегу застѐгивая батник, понёсся к остановке, отметив краем глаза Юлию, уже в тѐмных солнцезащитных очках, которая беззвучно смеялась, глядя на меня с двухэтажной высоты балкона.

«Ну, тѐтя, это уже чересчур! – злился я. – Как такое может быть! Я даже и глазом моргнуть не успел, а ко мне уже приставлена соседка-надсмотрщица, что б я не дай бог не забыл сделать что-то не так. Просто детский сад какой-то!»

Теперь глаза и уши моей заботливой тѐтушки вполне могли чудиться за любым ближайшим углом или каким-нибудь пышным кустом, что попадались почти на каждом шагу. Даже в маршрутном автобусе, который неторопливо вѐз меня к месту моих занятий, я зачем-то на всякий случай внимательно огляделся. Три девушки и два длинноволосых парня с рюкзаками сидели на задних сидениях и оживлённо что-то обсуждали. Вряд ли это были лазутчики моей изобретательной тѐти, несмотря даже на их подходящую маскировочную экипировку. Хотя зарекаться я б теперь не стал. Толстый усатый водитель, поглядывая на нас в зеркало и притормаживая на пустых остановках, не выдержал и спросил, где мы собираемся сходить.

– Нам до конечной, – ответил один из парней.

– Мне тоже, – добавил я, припоминая подробнейшую инструкцию и пунктуальное описание маршрута до учебного заведения, полученные вчера перед сном.

– Так бы сразу и сказали... студенты... – пробурчал себе под нос толстый усатик.

Он добавил газу, и мы буквально через минуту выехали за город. Узкая шоссейная дорога, изгибаясь, протянулась, как я понял, совсем недалеко от побережья. По бокам мелькали непролазные кусты и деревья орешника. Пару раз сверкнули на солнце указатели с обозначением поворота на шоссейные ответвления к домам отдыха, которые, судя по всему, спрятаны были где-то недалеко в гуще деревьев, а скорее – поближе к морю, до которого от шоссе, по моим прикидкам, было не более четырёх-пяти километров.

Вскоре, недолго попетляв по извилистому узкому шоссе и затем свернув в очередное ответвление, мы, проехав, как я и предполагал, ещё около четырёх километров и сделав круговой вираж-разворот в обратную сторону, остановились у свежевыкрашенного в голубой цвет небольшого остановочного павильона. Это была конечная остановка. На всю дорогу сюда было потрачено всего-то минут двадцать.

Расплатившись с водителем, я вышел вслед за компанией молодых туристов, так и не поинтересовавшись их туристическим маршрутом. Хотя, надо признаться, меня всю дорогу так и подмывало это сделать. Не поинтересовался в конечном счѐте не потому, что они всё равно бы не раскрыли свои карты – лазутчики они и есть лазутчики, – просто мне показалось, что некоторая бестактность всё-таки могла присутствовать в таком обывательском любопытстве, которое проявить я не смог скорее потому, что ощущал себя здесь ни много ни мало настоящим

столичным персонажем с тонким пониманием допустимого и возможного, и даже уважал себя за это.

Оглядываясь по сторонам, я только и успел, что глотнуть прохладный чистый воздух, как старенький микроавтобус, газанув, помчался порожняком обратно в город, оставив за собой быстро таявшее голубое облако выхлопного газа. Когда автобус скрылся за ближайшим изгибом шоссе, я, проследив все другие видимые изгибы, заметил, что шоссе в том месте, где я стоял вовсе не заканчивалось, а сворачивало за остановку, где подобие узкого зелёного туннеля в зарослях кустов и деревьев вело, по-видимому, в чащу леса. Никаких разъясняющих указателей на этом ответвлении не было.

Компания замаскированных под туристов лазутчиков, взвалив на себя рюкзаки и позвякивая чем-то металлическим (это могло бы и насторожить), уверенно проследовала в этот зелёный туннель и быстро там скрылась.

Справа от остановки за красивым кружевным решетом металлического забора в убегающей перспективе зелени каких-то ветвистых, но невысоких деревьев, поверх которых кое-где возвышались и остроконечные шпили кипарисов, виднелось светлое трёхэтажное здание. Часть окон ослепительно бликовало на солнце. На крыше здания, по центру, виднелся небольшой, но броский транспарант со знакомым жизнеутверждающим лозунгом (белым по ярко-красному) «Миру-мир!». Крыша ещё одного здания поменьше выглядывала из зелени значительно левее первого. За ним тоже было какое-то строение. Выгоревшая на солнце вывеска недалеко от входа гласила, что передо мной школа-интернат пансионного типа.

«Наверное, это и есть то славное учебное заведение, куда мне предписано явиться», – ответил я сам себе, на возникший вопрос. Следующая вывеска, уже большего размера и более нарядная, у красивой металлической калитки и массивных железных ворот, гораздо нагляднее подтвердила краткую информацию на первой. Мимоходом ознакомившись и с ней, я направился к ближайшему зданию. Шёл я по асфальтовому тротуару, а потом по брусчатой дорожке с застывшими по бокам навьтяжку молодыми кипарисами и аккуратно подстриженными кустами, источавшими какое-то уже знакомое мне мягкое, приятное благоухание. Солнце только начинало припекать, и я подумал, что Даша, наверно, в это же самое время в городе подходит к музею, чтобы выяснить судьбу своего словаря, а посему не за горами было моё приятельское и не слишком обременительное (я всё-таки на это надеялся) общение с ним.

За пологим спуском, где-то справа, отдалённо, слышались звонкие голоса. Пройдя ещё чуть дальше, я поверх кустов увидел небольшую спортивную площадку и теннисный корт, где в ярких лучах солнца в белых спортивных майках и синих шортах две худенькие симпатичные девчонки тринадцати-четырнадцати лет учились подавать через сетку теннисный мяч. При каждой неудачной теннисной подаче они громко что-то обсуждали между собой, смахивали ладонями с разгорячённых лиц капельки пота, звонко смеялись и показывали друг другу какие-то круговые движения ракеткой. Интернатского физрука Игоря Николаевича, о котором тепло говорила Даша, на площадке не было. Видимо, дав задание своим подопечным, он предпочёл на солнце не париться.

Мне тут же пришла мысль, что эти увлечённые теннисом младшекурсницы, задержавшиеся по какой-то причине на каникулах в интернате, скорее всего, даже рады, что физрука нет рядом и он не мешает им весело проводить время.

«Эй, чемпионки! – громко крикнул я. – А где тут у вас учебный корпус?»

Учебно-административный корпус маячил прямо передо мной, да и брусчатая дорожка вела, как я понимал, именно к нему, что, конечно же, делало мой вопрос откровенно излишним. Видимо, просто захотелось, направляясь к маячившему зданию, бросить мимоходом пару фраз юным первокурсницам. Так сказать, обозначить своё появление и попутно на всякий случай заметить им, что я тоже большой любитель помахать ракетками, и даже был чемпионом

школы по теннису, правда, по настольному, что, впрочем, было не так уж и важно для шутливого обмена ничего не значащими фразами. Но шутливому общению не получилось.

Одна из девчонок на мой вопрос показала язык, а другая, сердито обернувшись, махнула теннисной ракеткой в сторону близстоящего здания и изготвилась принимать подачу своей соперницы, тем самым как бы давая понять мне, что я отвлекаю их от дела. И всё же я пожелал им на прощание заняться настольным теннисом. Ответом были всё те же короткие сердитые взгляды.

«Лучше б эти девчонки загорали на ухоженной нежной травке или ловили бабочек в кустах, чем изнуляли себя беготнёй на солнцепёке!» – это я уже подумал, когда подходил к зданию.

На площадке учебного корпуса рядом с монументальным высоченным флагштоком, в верхней части которого из-за безветрия алый шелковистый стяг висел как-то уж совсем не оптимистично и скучно, стояла какая-то мебель – в основном учебные столы. А рядом, у широко распахнутых дверей, в сильно выгоревшем на солнце рабочем халате голубоватого цвета со следами пятен жёлтой краски, на корточках сидел далеко уже не молодой человек и кистью размешивал в пластиковом ведре сероватую известковую жидкость для побелки деревьев. Седые очень длинные его волосы были собраны на затылке в тугий серебристый пучок, который, истончаясь, кудряво извивался чуть ниже плеч, как у какого-нибудь самого настоящего хиппи. Глянув на меня, среброволосый хиппи неторопливо поднялся с корточек и интеллигентно поинтересовался куда я направляюсь. Услышав о двадцать первом кабинете, он подробнейшим образом изложил, как пройти в левое крыло здания и где расположена двадцать первая аудитория, в которой, как он словоохотливо тут же доложил, уже сделан ремонт и заменены учебные столы, и где сейчас, по-видимому, идёт занятие.

Вежливо поблагодарив седовласого садовника (по-видимому, это был именно он) за его вряд ли так необходимый мне в эту минуту исчерпывающий доклад, я прозорливо предположил, что Стелла Александровна занималась там сейчас с отстающими. «А с кем же она должна заниматься в каникулы, как не с двоечниками!» – так же мысленно согласился я с таким вполне обоснованным предположением. Себя, конечно, к данной категории я не причислял, но ещё раз вспомнил отца, уверявшего меня перед отъездом своим неожиданно прорезавшимся высоким тенором, что у тётушки в её замечательном заведении следы двоечников, как и прочих ископаемых, испарились ещё в мезозое. Насчёт ископаемых он, пожалуй, был прав, а вот по поводу двоечников, видимо, сильно погорячился.

Большие круглые часы на стене в вестибюле первого этажа над мозаичным панно бравого пионера с горном в руке показывали без четверти десять. Они сильно отставали. В этом я был более чем уверен, потому что мои наручные командирские ещё никогда меня не обманывали и показывали сейчас ровно десять. Я с удовлетворением отметил, что прибыл вовремя, словно курьерский по расписанию. Жаль, что тётя не отметит сей факт, потому как она где-то сейчас ораторствует на совещании и, наверное, убедительнее всех выбивает для своего заведения что-нибудь из учебного оборудования, типа новых стульев – столы-то, как я видел на входе, уже благополучно доставлены. И может быть, впервые я с пробудившейся гордостью за свою тётушку-директрису подумал о том, что она ведь вот так, почти случайно, можно сказать, мимоходом и без особых на то притязаний, вдруг предстала передо мной совсем с другой стороны. Предстала не только довольно-таки успешным педагогом-администратором, о чём я приблизительно знал и от отца, но и вместе с тем она предстала весьма и весьма неплохим деловым или, как говорили в то время, пробивным человеком, оперативно решающим множество проблем сугубо хозяйственного порядка. И это – несмотря на внешнюю мягкость, неуёмную и излишнюю, на первый взгляд, говорливость по любому поводу и даже порой прилипчивую надоедливость. «Но главное, наверно, в том, – подумалось мне, – она, как никто другой,

умеет мягко, ненавязчиво убеждать – и не только на своих совещаниях...» Это как раз я мог подтвердить на собственном опыте.

Поднявшись на второй этаж по широкой мраморной лестнице, я без труда среди прочих кабинетов нашёл и необходимую мне двадцать первую аудиторию. И когда я по школьной привычке хотел заглянуть в замочную скважину двери, та вдруг беззвучно распахнулась, едва ли не расшибив мне лоб. Из двери быстро вышла девочка-подросток приблизительно такого же возраста, что и девчонки, увлечённо тренировавшиеся на теннисной площадке. Под мышкой у неё был рулон ватмана, а глаза сияли какой-то великой идеей.

«На двоечницу она совсем не похожа», – мелькнуло у меня в голове.

Проводив взглядом почти летящую лёгкую фигурку до самой лестницы и постучав для приличия в полуоткрытую уже дверь, я быстро вошёл в неё.

В просторной аудитории, за столом у окна, в светлых летних льняных брюках (нога на ногу) и короткой белой блузе (линия спины подчёркнута, словно у балерины, но не напряжена) сидела брюнетка лет двадцати пяти – двадцати восьми и что-то быстро писала на листке бумаги. Её чёрные, аккуратно стриженные, с блестящим отливом, ухоженные прямые волосы придавали её лицу бледность и своим отблеском и игрой со светом чем-то мне напоминали иссиня-чёрные переливы большого вороньего крыла, по которому, гуляя, слегка прошёлся ветер, не нарушив при этом идеального порядка всех перьев и тончайших волосков.

На мой стук она повернулась и в упор из-под чёлки посмотрела на меня своим пронзительным и немного высокомерным взглядом, как бы вопрошая, кто я такой и чего тут наступиваю и ломлюсь в дверь. Глаза у неё тоже были под стать её волосам, с каким-то завораживающим отблеском.

– А где я могу увидеть Стеллу Александровну? – поздоровавшись с загадочной брюнеткой, спросил я, попутно обшарив взглядом аудиторию, как будто почтенный педагог, о ком я интересовался, мог спрятаться под одним из дальних столов.

Но вряд ли Стелла Александровна могла так легкомысленно играть в прятки, ожидая меня. Её здесь просто не было. И я уже начал лелеять мысль, что она внезапно заболела или её так же, как и тётушку, вызвали на какое-нибудь совещание... Ну, к примеру, по вопросу её срочной передислокации в другое учебное заведение за пару сотен километров отсюда... С отменой всех учебных занятий. В том числе и с моей скромной, уже почти поверившей в это чудо, персоной. Как это здорово было бы сейчас вместо занятий найти Дашу и махнуть с ней на городской пляж.

Между тем брюнетка, выслушав мой вопрос о том, куда подевалась Стелла Александровна, посмотрела на меня немного с удивлением и представилась:

– Стелла Александровна Ниссэн! А вы, наверное, Андрей!

– Да, я Андрей, – слегка ошарашено произнёс я, и зачем-то снова поздоровался.

А затем, уже злясь на себя за свою секундную оторопь, добавил, стараясь представиться теперь в том же стиле, что и она:

– Андрей Николаевич Леженёв!

Я даже её мимику изобразил очень похоже, что точно было уже лишним.

– Ну, что ж, проходите, Андрей Николаевич, присаживайтесь, – произнесла она с ударением на моём отчестве и едва заметной тонкой то ли усмешкой, то ли у неё всегда было такое выражение губ.

Раздумывая, где мне присесть, я медленно прошёл в середину аудитории и уселся за крайним столом у открытого наполовину окна, из которого был прекрасный вид почти на всю южную территорию, прилегающую к зданию. Отлично просматривалась вдаль и дорожка, по которой я шёл несколько минут назад.

– Андрей Николаевич! – опять с ударением и едва заметной улыбкой тонких ироничных губ обратилась она ко мне. – Пересядьте, пожалуйста, поближе!

«Вот докопалась!» – подумал я про себя. Но молча встал и пересел на парту ближе.

– Андрей Николаевич, пожалуйста, прошу вас вот за этот стол! – Стелла (так я стал её теперь называть про себя) всё с тем же выражением своих губ указала рукой на стол перед собой.

Пришлось опять подчиниться. Не мог же я ей сказать: «Стелла Александровна, хватит командовать и изображать злого капрала, ближе к делу!»

Я сидел в двух метрах от неё и, делая вид, что протираю стекло своих наручных часов, искоса смотрел, как она, встряхнув своими черными точно смоль волосами, открыла какую-то книжку. Маникюр на её пальцах был ядовито-фиолетовый.

Неожиданно она спросила:

– Андрей Николаевич, а где ваша ручка и тетрадь?

– Забыл в автобусе, потому что автобус попал в аварию... все пассажиры попадали, и я тоже упал, а ручка с тетрадью закатились куда-то... – начал врать я самым наглым образом, попутно стараясь соорудить на лице учтиво-вежливое и одновременно слегка хамоватое выражение.

– Хорошо, – прервала она мой вызывающе неправдоподобный трёп, – вот возьмите чистую тетрадь и мою авторучку.

Тетрадь была обычная на двенадцать листов, как и простенькая тонкая авторучка с незамысловатым колпачком.

Она передала мне эту канцелярию и попросила внимательно послушать её.

Начала она с того, что в упор глядя на меня и медленно вращая карандаш между пальцами, обрисовала план предстоящих занятий по литературе и языку. До обеда будут два спаренных занятия по языку, по сорок пять минут каждый, потом час перерыва, а затем – два занятия по литературе. Всего курс рассчитан на четыре недели, после чего зачёт. Занятия через день, не считая выходных.

– А если я не сдам зачёт, меня, наверное, исключат из вашего прекрасного заведения? – поинтересовался я, попробовав изобразить примерно такую же тонкую полуулыбку, которая и не думала сходиться с её бледного лица.

К её лицу, кстати, я стал привыкать. Оно, надо признать, было очень красивым и, на мой взгляд, удивительно своеобразным из-за своей неуловимой утончённости. Но главным, конечно, были её тёмные глаза. Когда она смотрела в упор, хотелось или надерзнуть, или отвести свой взгляд на время в сторону.

– Если зачёт не будет сдан, то занятия продлятся ещё неделю, – ответила она. – Хоть до конца лета... до тех пор, пока не будет положительного результата.

После этих невесёлых то ли уточнений, то ли скрытых угроз началась первая часть занятия, состоящего для начала из теста-диктанта, чтобы выяснить общий уровень моей грамотности и знания родного языка.

Грамотность моя оказалась на удивление вполне удовлетворительной, несмотря на то что Стелла зачем-то исчеркала красным вдоль и поперёк около трёх исписанных мною под её диктовку страниц. Кажется, она не ожидала от меня такого, в общем-то, совсем даже неплохого результата – видать, думала, что я прискакал сюда на ослике из какой-нибудь захолустной деревни.

«Андрей Николаевич, не обольщайтесь, работать есть над чем!» – заявила тем не менее она ледяным тоном, с всё той же своей фирменной полуулыбочкой.

После этого, прочитав мне вводную лекцию о языке, она перешла к теме с пугающим меня названием – лексикология, где было много впервые услышанных мной слов и понятий, таких как "*метонимия*" или "*синекдоха*". Она даже вставала со своего стула и на доске красивым почерком выводила неизвестные до сего момента мне слова типа "*синекдоха*", объясняя и раскрывая затем на примерах смысл этой самой "*синекдохы*".

Было даже где-то любопытно и интересно. «Но к чему мне всё это, – думал я, – к чему! Мне что, надо готовиться в филологический или какой-нибудь литературный институт!..» Но вслух я пока не возражал, а едва успевал конспектировать основные тезисы её лекции. Даже рука у меня затекла с непривычки, и я стал демонстративно поглядывать на свои часы и трясти усталой рукой.

Наконец, взглянув на свои часики, она снисходительно и в то же время пристально посмотрела на меня, точно хотела этим взглядом медленно с растяжкой произнести: «Ну что, наглый юнец, утомился? Скоро твою спесь выбьем окончательно...» Вслух, правда, она сказала, что подошло время перерыва. А когда я в ответ, закатив глаза, нарочито шумно, облегчённо вздохнул, она, быстро встав из-за стола, вышла из аудитории.

Я ничего не сказал о её фигуре, не потому, что широкие светлые брюки, следуя какой-то ещё только входившей в обиход французской моде, болтались на ней, точно это была юбка до пят, и скрывали, на мой взгляд, самое важное в женской фигуре – ноги, – а потому не сказал, что просто не хотел гадать о её возрасте. Где-то лет на десять она была меня старше... Ну, может, на восемь. Впрочем, это было не так уж и важно мне.

Я вышел из аудитории, думая, как провести целый час отпущенного мне перерыва. Выходя из корпуса, я заметил, что письменных столов на площадке перед входом уже не было, как не было и садовника в его испачканном жёлтой масляной краской халате. Не было и пластикового ведра с известью. Наверное, садовник где-то усердно белил разведённой известью стволы деревьев и подкрашивал жёлтой краской скамейки, искренне сожалея в душе, что таким подлым образом востребован его талант живописца, – Даша говорила, что в свободное время он писал море.

Солнце припекало уже нещадно, обещая очень жаркий и душный день. У меня мелькнула мысль, что Даша, скорее всего, уже приехала и можно будет преподнести ей сюрприз, неожиданно заявившись к ней в общежитие за словарём. Однако, легко найдя это общежитие, рядом с которым находилась и небольшая столовая, откуда вкусно, по-домашнему пахло чем-то печённым, я на входе в само общежитие услышал от грозной пожилой вахтёрши, обладавшей властным начальственным голосом, что Даша Невицкая ещё не приезжала из города. Это сильно расстроило меня – всё же очень хотелось увидеть её. Тогда другая мысль пришла мне в голову: «Почему бы не скоротать время у моря, которое, по словам Даши, было где-то совсем рядом». Я даже догадывался, в какой стороне.

И я, обойдя уже пустовавший теннисный корт и всю спортивную площадку, нашёл зараставшую травой тропинку и по ней дошёл до густых зарослей деревьев, где обнаружил большой деревянный щит с аляповатым, местами сильно облупившимся изображением девочки в жёлтом купальнике, радостно бегущей в сторону пенящегося моря. Ниже было грозное предупреждение, что ходить на пляж опасно для жизни и строго запрещено всем учащимся. Чьих рук это произведение – понятно было и без автографа.

Учащимся тётушкиного заведения я не был, а тем более куда-то бегущей девочкой, и поэтому тропинка уверенно вывела меня из зарослей до крутого спуска, у которого уже слышен был тихий морской прибой. Через пару минут я увидел и море. Оно блистало такой же манящей сверкающей голубизной, как и вчера на городской набережной.

Спускаясь к воде, я любовался открывшейся картиной довольно большой и очень скалистой бухты. Абсолютно пустынный галечно-каменистый пляж, если его можно было так назвать, и в самом деле некогда был сильно разбит штормовыми волнами. Повсюду виднелись довольно большие валуны и камни, сорванные, наверное, с обрывистого берега или всё-таки принесённые морем. Но сейчас удивительно чистая и прозрачная вода, сквозь которую местами просматривались пышные темно-зелёные султаны водорослей, была очень спокойна. Только небольшие волны мягко накатывали на берег и шуршали крошечными разноцветными

камешками и галькой. Я громко загремел мелкой галькой, когда ступил на неё и направился к бирюзовой воде.

Ничего опасного здесь я не увидел, разве что совершенно дикий необорудованный пляж. Понятно, что можно было сорваться со спуска и сильно пораниться или ушибиться о какой-нибудь большой камень. В воде тоже просматривались обросшие водорослями валуны, но их было не так много, и они совершенно не мешали купанию. Руководство интерната во главе с тётушкой, кажется, сильно перестраховалось, наложив строгий запрет на купание здесь. Хотя девчонкам-подросткам, конечно же, на таком берегу делать было нечего. Городские пляжи были намного безопаснее, и к тому же они были песчаными.

Я ещё раз оглядел пустынный берег и, стремясь поскорее охладиться в море, быстро разделся. Оставив одежду недалеко от набегавших волн, в одних только наручных часах – хотелось испытать их водонепроницаемость – я бросился в бирюзовую воду, которая оказалась намного прохладней той, что была на городском пляже. Видать, сильные подводные течения перемешивали и несколько охлаждали здесь воду. Одно из этих прохладных течений я почувствовал, когда глубоко нырнул за небольшим крабом, спрятавшимся от меня в щель между камнями и пытавшегося оттуда мне нагло угрожать.

Вдоволь наплававшись и нанырвавшись, я вылез на берег и растянулся на гальке недалеко от воды, где мирно покоился весь мой гардероб. Солнце вмиг высушило кожу и даже немного стягивало её, безжалостно жаря своими лучами моё белое незагорелое тело. Обгореть сразу же я не желал, и ещё раз окунувшись, снова растянулся на гальке у большого валуна, частично спрятавшись за него от вездесущего солнца.

Я лежал и смотрел в высокое голубое небо и, кажется, впервые ни о чём не думал, как вдруг услышал шум отбрасываемой чьими-то ногами гальки. Выглянув из-за своего валуна, я, к своему изумлению, увидел буквально в десяти шагах от себя Стеллу. Она была в тех же светлых брюках и короткой блузе. Но на ногах её уже красовались не летние туфли, а розовые пляжные шлёпанцы, и в руках была большая холщовая сумка, из которой она достала небольшое оранжевое покрывало и быстро расстелила его.

Прижавшись всем своим телом к горячим камням, я лихорадочно соображал, что же мне делать. Всю свою одежду я оставил где-то у воды, а предстать вдруг перед ней абсолютно голым и беспомощным, ощущая всей кожей её насмешливый, а может даже и презрительный взгляд, было бы более чем ужасно – хуже не бывает, – и я инстинктивно попытался, подобно ящерице, уменьшиться в размерах и раствориться в щель под валуном. Пока я отчаянно старался что-то придумать, Стелла уверенными движениями разделась и осталась в узких тёмно-коричневых бикини, а через мгновение и эти бикини оказалось на её оранжевом покрывале.

Кажется, у меня в груди всё обмерло после этого. Ситуация стала почти безвыходная. Обнаруживать себя теперь было совсем неприлично. Зажмурившись, я краем глаза проследил, как загорелая и на удивление очень стройная тонкая фигура с красивыми длинными ногами, изящно ступавшими по гальке, проследовала к воде. В глаза сразу бросалось, что ровный загар присутствовал на её теле не везде. Эти белые тонкие полоски от бикини, подчёркивавшие её наготу, ещё более вносили сумятицу в моё состояние.

Быстро по-пластунски проползти к одежде и так же незаметно уползти с этого пляжа было невозможно. Оставалось одно – ждать, когда Стелла, искупавшись, сама уйдёт отсюда.

И я решил терпеливо ждать за своим валуном этого момента – а что тут можно было придумать на моём месте.

Стелла купалась недолго. Вскоре она, осторожно ступая в воде по камням, вышла на берег и присела там, уверено и гибко приняв позу лотоса, точно была хорошо знакома с йогой. Гибкая спина её, руки и ноги замерли на пару минут. А я, не отрываясь, как зачарованный следил за ней. Вот она встала на камне и подняла руки, потом развела их и повернулась ко мне. Небольшая грудь её была в капельках воды, которые собирались и стекали тонкими ниточ-

ками-ручейками по её телу. А ниже линии талии, гораздо ниже, там, где была другая светлая полоска от бикини, заметно выделялся небольшой тёмный треугольник. И когда она двигала ногами, этот треугольник был настолько притягателен, что только он и приковывал мой взгляд.

Стелла, немного постояв, направилась к своему покрывалу и, вдруг взмахнув руками, остановилась. Неожиданно для себя она увидела мою одежду, едва ли не наступив на неё. Я ещё сильнее вжался в гальку, ожидая теперь, если не конца света, то по крайней мере пришествия новой бури, которая на этот раз разворотит весь этот пляж окончательно.

Кажется, секунду она была в замешательстве, но затем, поглядев по сторонам и сразу же определив моё местонахождение, гордо выпрямившись, как ни в чём не бывало проследовала к своему покрывалу.

Словно окаменев, я чего-то ждал. Через минуту Стелла снова посмотрела в мою сторону и с привычной уже мне полуулыбкой произнесла:

– Андрей Николаевич, что же вы там прячетесь, идите сюда, здесь ведь лежать гораздо удобнее, чем на камнях...

И я, понимая, что прятаться теперь не было смысла, немного помедлив, смущённо встал и покорно, словно в каком-то невольном, безропотно-кротком состоянии гипноза, пошёл к ней. А она, надев на себя лишь свои затемнённые зеркальные очки, в упор теперь смотрела на меня, точно испытывая и вызывая моё естественное желание немного прикрыться хотя бы рукой. Но после всего, что произошло, прикрываться было как-то даже нечестно, не по-джентльменски. Да и слишком комично смотрелось бы это со стороны. И я не стал этого делать, хотя и чувствовал себя очень скованно и неудобно под её взглядом, и руки мои сами тянулись вниз.

– Я не знал, что вы здесь купаетесь, здесь ведь всем запрещено, – буркнул я, устраиваясь на краешке покрывала и стараясь не смотреть на её ноги, которые она скрестила и поджала к подбородку, обхватив их руками.

Ногти на её ногах были накрашены красивым фиолетовым лаком, переливавшимся на солнце перламутровыми блесками.

– Здесь никто и не купается, кроме меня, – повернувшись ко мне, ответила она, и, дотрогнувшись до меня кончиком пальца или локтя, от чего я вздрогнул, откинулась на спину, вытянув в струнку ноги.

От всего этого у меня учащённо забился пульс, и я, почувствовав вдруг бурный прилив крови, развернулся к ней и, увидев так близко невыносимо обольстительное нагое тело с такими невозможно соблазнительными и откровенно доступными всеми женскими прелестями, отчего потемнело в глазах, в охватившем меня порыве всем телом навалился на неё, намертво, чуть ли не в беспомощности обвив её своими руками.

Ещё совсем недавно в каком-то французском или итальянском романе я перечитывал едва ли не до дыр страницу, где тонко, неторопливо и вкрадчиво излагалось, как в неопишимо нежных, распалюющих объятиях нагой девы робкий юноша, забывая сразу же абсолютно обо всём, словно окунался в бочку мёда, замешенного хмелем и божественным бургундским, с его таинственной сакральной энергией неиссякаемого и щедрого солнца.

Я же не просто с головой окунался в бочку мёда – я поплыл, захлёбываясь в сладком, тягучем, обволакивающем всего меня пьянящем нектаре, не ощутив и не отведав ещё даже и капли вина. Я сразу точно взорвался от застоявшегося переизбытка сил, покрывая поцелуями напряжённую линию живота, грудь и губы Стеллы. Она задрожала, я это почувствовал. Её руки медленно заскользили по моей спине и запутались в густой шевелюре где-то у моего затылка. Время куда-то кануло. И только огромное розовое облако откуда-то всплыло и разгоралось, и полыхало в моём воспалённом сознании. «Стелла, Стелла, – бессвязно шептал я, всё больше и больше погружаясь в неё, – я тебя... я тебя люблю... я тебя очень люблю...» В ответ она вдруг застонала. А я, кажется, уже начал пить свою чашу райского вина, которое неожиданно, с приятными конвульсиями прошлось по телу и ударило в голову. Я опьянел окончательно и

силы покинули меня. Но стоило ей пошевелиться – и я снова испытал прилив могущественных сил. И всё опять повторилось. И была снова яркая вспышка розового, и снова эти стоны и судорожные метания, и бокал игристого вина снова испил я захлёбываясь. Только вкус этого волшебного игристого был тоньше, хотя оно было таким же тягучим и пенистым, и от которого на некоторое время теряешь себя в пространстве и растворяешься.

Когда, пресытившись, я опомнился и оторвался от неё, первая мысль была о том, не задохнулась ли она от моего бурного натиска и напора – она лежала с закрытыми глазами и, кажется, не дышала. Чуть в стороне находились её зеркальные очки.

А следующая мысль не успела даже прийти ко мне. Стелла медленно открыла глаза и лёгкая тень полуулыбки, которая теперь меня совсем не бесила, оживила тонкие черты её лица. Она поднялась и молча начала одеваться. Сначала она, не надевая бикини, накинула на голое тело свою короткую блузку и, повернувшись ко мне спиной, застёгивала пуговицы. Затем, всё ещё находясь ко мне спиной, она легко, на прямых ногах, наклонилась и взяла зеркальные очки, следом – свои брюки. Обнажённые незагорелые ягодички её при этом упруго подрагивали, показывая на мгновение мне одну из её главных женских тайн. Я сидел, молчал и заворожено смотрел на все эти гибкие движения и наклоны. Восхитительными они были.

А потом, оказавшись рядом со мной, она нежно потрепала меня по затылку и велела немедленно искупаться в море, потому что я весь блестел от пота, несмотря на уже распалившееся не на шутку солнце. Этот её приказ я с большим энтузиазмом бросился исполнять и, нырнув в прохладную стихию, до последнего плыл под водой, думая, что она на берегу наблюдает за мной. Потом я вынырнул и, шумно вдохнув воздух, нырнул опять с целью найти среди водорослей на каменистом дне какую-нибудь красивую раковину, наподобие той, что как-то в виде подарка прислала мне в небольшой посылке тётушка. С третьего захода мне удалось отыскать вполне подходящий для подарка красивый, с розовыми прожилками плоский камешек. Раковин же, как ни старался, я не нашёл. Но когда я, порезвившись ещё немного в воде, вышел на берег, Стеллы нигде не было. Не было и её вещей.

Торопливо одеваясь, я в недоумении раздумывал, почему она ушла, не подождав меня.

Обратную дорогу я почти бежал, спотыкаясь о камни и крепко сжимая в кулаке найденный мной плоский сувенир моря.

У учебного корпуса седая немолодая женщина из шланга поливала стриженные газоны и кусты. Какой-то старый автобус с жёлтой крышей и тёмно-синей нижней частью наполовину выглядывал из-за угла здания. Раньше его там я не видел.

Быстро поднявшись на второй этаж, не отдышавшись, я вошёл в аудиторию.

Стелла сидела за своим столом в той же позе, в которой я её увидел впервые, и опять что-то писала. На её столе я успел заметить книгу в знакомом синем переплёте, но тут же и забыл об этом.

– Стелл, почему ты не подождала меня? – Вопрос мой как бы завис в воздухе у потолка неприкаянным воздушным шариком, где без следа и растворился.

Она не шелохнулась, но вскоре медленно подняла на меня свои немигающие глаза и произнесла, чётко выделяя каждое слово:

– Андрей, вы опоздали на занятие на пятнадцать минут. Я вам делаю первое строгое замечание. Пройдите, пожалуйста, за свой стол.

– Стелла, ты что! – оторопело начал было я.

Но она сразу прервала меня:

– Андрей, прошу вас обращаться к преподавателю по имени и отчеству и соблюдать принятый здесь у нас этикет общения и субординацию.

Впервые просто по имени обратившись ко мне, она в то же время настоятельно и жёстко потребовала называть её по отчеству.

Растерянность, наверное, была на моём лице от всего этого ушата ледяной воды. Ещё этот этикет не прибавлял уверенности... Конечно, я с готовностью мог даже пасть ниц, следуя любому этикету, лишь бы она сейчас сменила свой тон.

– Стелла, послушай... – Я хотел попросить её всё-таки выслушать меня.

Но она опять прервала, указав сесть за стол и сухо призвав закончить препирательства. Я ничего не понимал. Но меня начинало всё это злить.

– Стелла Александровна! – обратился я к ней почти официально – и голос мой при этом слегка дрожал, – объясните, пожалуйста, что произошло здесь в моё отсутствие... я ничего не понимаю...

Я в упор смотрел на неё. И она, впервые не выдержав моего взгляда, отвела глаза к окну и произнесла тише, чем обычно:

– Андрей, возьмите себя в руки и давайте, наконец, начнём наше занятие.

Потом помолчав и глядя мимо меня, добавила, что там, на берегу, минутная слабость с её стороны больше никогда не повторится. Она даже извинилась как-то не очень уверенно и тихо.

Я терялся в догадках. А она приступила к лекции.

Теперь я слушал об истоках великой русской литературы, о первых русских писателях и поэтах, но почти не конспектировал. А она, хотя и видела это, замечаний не делала. Она вообще старалась не встречаться со мной глазами.

После часа с небольшим Стелла закончила свою лекцию и, наконец-то, быстро глянув мне в глаза, а точнее прострелив меня своим пронзительным взглядом, напомнила о Дашином словарики, который лежал у неё на столе. Я кивнул, не сводя с неё глаз и не спросив даже, каким образом здесь оказался этот словарь.

«Следующее наше занятие состоится в понедельник в десять. В этой же аудитории, – напомнила Стелла. – До свиданья, Андрей!» И она вышла из аудитории, и удаляющийся лёгкий стук её каблучков был слышен сквозь узкую щель неприкрытой двери. Ещё пару минут я о чём-то думал, а затем, положив ей на стол плоский полосатый камешек и пнув дверь, вышел в коридор, держа под мышкой тетрадь и словарики. Но в глазах у меня, в отличие от девочки с рулоном ватмана, которая чуть не расшибла дверью мне лоб, абсолютно никаких идей не было. Было лишь какое-то обволакивающее, щемящее чувство в груди у притихшего сердца, и которое я не мог себе объяснить.

5

Спустившись по лестнице на первый этаж, я сел на скамью в пустом вестибюле на освежающем сквознячке и раскрыл словарь. Между строк на меня смотрела Стелла, галечный пляж был лишь смазанным фоном, размытой декорацией всплывающего и насыщенного моими переживаниями образа, где немигающий пронзительный взгляд замещал, казалось, всё: и шелковистый иссиня-чёрный водопад волос, и стройные ноги, и те незагорелые полоски от бикини, подчеркнувшие умопомрачительную наготу, что на мгновение мягко обвалила, казалось, всё внутри меня, помутив сознание и заставив даже сейчас учащённо забиться пульсу. Чтобы не впасть в обморочное состояние при прокручивании тех оглушительных мгновений, я с усилием уговорил себя отложить на потом осмысление всего произошедшего на берегу, – фотографический калейдоскоп тех минут всё равно ярко реял вторым планом. Откуда-то из соседнего коридора подплывал едва ощутимый запах краски. Неожиданно захотелось есть. Вспомнив о тётушкиных бутербродах в холодильнике, я с этой подбежавшей и не желающей теперь покидать меня мыслью всё-таки заставил себя немного полистать словарь и попробовал даже что-то запомнить. Минут пять я усердно просматривал страницы, перебирая заодно в уме всё содержимое холодильника, – Стелла незримо присутствовала рядом, – а затем, сунув словарь с тетрадкой под мышку, вышел из здания. Но домой ехать ради бутербродов не хотелось, и я, глянув

ещё раз на часы, решил прогуляться по утопающей в зелени территории интерната, попутно заглянув в общежитие, чтобы всё ж выяснить, где сейчас Даша, приехала ли она из города, – на часах было уже начало четвёртого после полудня.

В общежитии всё та же вахтёрша сидела за своим постом у стойки и увлечённо беседовала с кем-то по телефону, не забывая мельком, но довольно цепко поглядывать на входную дверь и того, кто вошёл. На этот раз вид у неё был не такой грозный, и голос был покладистый и дружелюбный. В телефонную трубку она искренне жаловалась на то, «как дороги нынче овощи и фрукты». «...Ну просто ужас, просто ужас какой-то... и дождей-то совсем нет, ну совсем нет!» – плакалась она невидимому телефонному собеседнику, выпрашивая у того сочувствия. На том конце провода говорили долго, и вахтёрша кивала головой, словоохотливо поддакивала и продолжала с упоением общаться, слегка прищуривая от получаемого удовольствия правый глаз – левый автономно присматривал за мной.

И только когда трубка оказалась на аппарате, я получил свою уже весомую порцию вниманья:

– Молодой человек, я вам в третий раз повторяю – Даша Невицкая, после того как утром уехала в город, пока не возвращалась! – развеяла она мои сомнения в этом, возвысив голос свой сразу на несколько децибел.

«Странно, – подумал я, – кто ж передал Стелле словарь?!»

– А как найти Стеллу Александровну Ниссэн? – осведомился я робко, в надежде что-нибудь узнать и о ней.

– Ниссэн проживает в общежитии для преподавателей! – зычно без уточняющих подробностей ответила эта добрая женщина, уже подозрительно косясь и меряя меня с ног до головы своим колючим желтовато-фосфорическим взглядом.

До сердечной учтивости садовника с его исчерпывающими разъяснениями ей было как пешком до палестин. Возможно, её сбивал с толку мой «интеллигентный» вид в потёртых джинсах и расстёгнутым от непривычной мне жары батником.

Я застегнул пару пуговиц и, глядя ей в переносицу, спросил на всякий случай номер телефона, который она в служебное время без зазрения совести эксплуатировала в личных интересах, из-за чего, между прочим, сюда могли бы и не дозвониться с каким-нибудь важным и срочным делом. Например, с предупреждением об ураганном ветре со штормом, бурей и внезапным землетрясением. Или, что африканские зулусы вышли из леса и напали на интернат... За это ведь самоуправная вахтёрша легко могла лишиться своего поста за стойкой с телефоном и отправиться на перевоспитание в учебный корпус таскать по этажам столы, стулья и прочий инвентарь. Подходящие методики для этого нашлись бы. В этом как раз я ни секунды не сомневался. Был даже более чем уверен.

На удивление телефонный номер вредноватая вахтёрша сразу же продиктовала мне, словно почувствовала, что я не отстану от неё и буду ещё долго маячить перед глазами, отвлекая её и мешая развлекаться с телефоном. И о Стелле она без лишних вопросов доложила как на духу, после того как я намекнул ей о важных документах, что находятся у меня под мышкой, и которые срочно нужно доставить по назначению. Я потряс для убедительности словарём перед её носом; тетрадкой с лекциями я так же усердно помахал перед её выпученными глазами, что б она и не думала сомневаться.

Из её рапорта выяснилось, что за учебно-административным корпусом, если идти по асфальтовой аллее, не сворачивая к хозяйственному ангару, среди деревьев в двухэтажном довольно внушительном коттедже, построенном из тёмно-красного кирпича ещё в стародавние времена и чем-то напоминающего средневековую крепость, находилось служебное общежитие гостиничного типа, где проживало с десятков преподавателей и работников интерната. Некоторые из них жили там со своими семьями. У Стеллы на первом этаже была небольшая комната с магической цифрой восемь на двери.

Но идти к Стелле я не решился, а ноги меня сами повели на галечный пляж в надежде, что она появится там снова.

Солнце уже не просто припекало – оно жгло и обдавало сухим жаром, и от этого ещё больше хотелось почувствовать всем телом прохладу морской воды. На берегу никого не было, лишь пара больших белых чаек сонно качалась на лазурной глади воды. При виде меня они, взмахнув крыльями, удалились в сторону моря, оглядываясь и недовольно ругаясь на своём языке.

Быстро искупавшись, я наконец решил ехать в город. Купание в прохладной морской воде взбодрило меня, и я ускоренным шагом быстро преодолел расстояние между берегом и интернатом. У учебного корпуса, когда я его проходил, заметно было некоторое оживление. Чьи-то голоса гулким эхом отзывались в открытом окне одной из аудиторий. У входа двое рабочих в синих спецовках осторожно вносили в дверной проём какой-то небольшой продолговатый шкаф. Кажется, они только что приехали на стареньком автобусе – тот опять маячил своей жёлтой крышей. Только теперь он прятался от солнца в тени деревьев, чуть в стороне от здания. Лысоватый водитель стоял рядом и, изнемогая от жары, маленькими глотками пил из небольшой алюминиевой фляжки воду.

Свернув на аллею и ещё не доходя до массивных железных ворот, я увидел сквозь их узорное решето, что на остановке кто-то стоял. Сердце у меня ёкнуло и заколотилось. Это была Стелла. Она сразу же увидела меня и удивилась.

– Андрей, ты ещё не уехал, почему? – спросила она, старалась быть приветливой, не выходя, однако, за рамки обычной приветливости, что бывает между преподавателем и знакомым учеником какого-нибудь выпускного класса.

Одета она была на этот раз в короткое летнее платье лимонного цвета, усилившего и без того яркую привлекательность её шелковистых иссиня-чёрных прямых волос. В руках была такого же цвета, что и платье, небольшая лаковая сумочка. В платье она казалась изящнее и тоньше. Я также уловил и лёгкий аромат духов. Французские «Шанель» – пришло мне в голову первое, что могло прийти из моих скудных познаний в этой области женских увлечений.

– Тебе идёт жёлтый цвет к волосам. И платье твоё супер! – сказал я, не ответив на её вопрос, и добавил, вдруг осмелев, что у неё очень красивые загорелые ноги, которые она зря прятала в широкие брюки.

Видно было, как на мой довольно-таки смелый комплимент у неё вздрогнули и слегка приподнялись тонкие брови.

– Андрей, мне кажется, ты многое себе позволяешь! Следи, пожалуйста, за собой и своими словами! – Она сразу захотела поставить меня на место.

Но, несмотря на её одёргивание, я, удивляясь себе и своему ровному уверенному голосу, отважно парировал:

– Стелл, ну мы же уже не в учебном заведении... Я же понимаю, что там учащиеся и всё такое... Но здесь-то к чему эта субординация...

Она озадачено помолчала, раздумывая, и, покачав головой, всё-таки потребовала от меня следить за своими фривольными речами.

В это время из зелёного лесного тоннеля выехали на дорожных велосипедах две загорелые девушки в облегающих модных шортах и ярких коротких майках. Они задержались у остановки, где мы стояли со Стеллой, и, поправив на багажнике сумки, вырулили на шоссе и поехали по нему в сторону города.

– А куда ведёт эта узкая дорога? – Я указал Стелле на зелёный туннель, откуда выехали велосипедистки.

Провожая взглядом быстро удаляющихся велосипедисток, она ответила, что дорога километров пять идёт по прекрасному реликтовому лесу, а потом где-то там есть поворот к пляжу, раскинувшемуся среди скал, куда каждое лето отовсюду приезжает много народу.

«Пляж нудистский!» – немного подумав, словно решая, стоит ли мне это говорить, прибавила она к сказанному.

– Да! – сильно удивился я. – Мне об этом никто и не говорил! Хорошее соседство с вашим учебным заведением, хотя и неблизкое.

И я теперь понял, почему тётя настойчиво внушала мне мысль о том, что «...главный городской пляж буквально в двух шагах от дома... а посему других и не надо...». Тётя явно не хотела, чтоб я вообще что-то знал о нудистском пляже, который каждое лето открывал здесь свой долгий сезон, приводя кое-кого в большое смятение. Видать, она опасалась за мою нравственность и целомудрие. Впрочем, об этом теперь можно было особо и не волноваться...

Оживившись, я спросил Стеллу, была ли она сама там, среди нудистов. И каково это быть нудистом.

– Нет, я только знаю об этом, – кратко ответила она, принципиально не желая продолжать со мной эту деликатную тему.

Я хотел ещё о чём-то её спросить, вспомнив туристов-лазутчиков, но тут из ворот интерната вышли две женщины, одна из которых не так давно усердно поливала газоны у учебного корпуса. «Наверное, собрались домой – рабочий день закончился», – подумал я, глядя, как они уверенно семенили к остановке, где мы стояли. Стелла поздоровалась с ними и перебросилась фразами о времени прихода маршрутного автобуса. Этот автобус должен был по расписанию прийти с минуту на минуту. Он вскоре и показался вдали на шоссе, выехав из-за ближайшего изгиба, видимого отсюда.

Из автобуса сначала вышла девушка, затем парень с сумкой, из которой выглядывали прохладительные напитки. «Нудисты!» – сразу решил я, разглядывая их, как марсиан, вылезших из космического корабля. Следом неторопливо, вразвалку вышел рослый, в спортивных шортах и белой тенниске, и с очень уж самодовольным лицом, кучерявый брюнет лет тридцати пяти. В руках у брюнета была удлинённая спортивная сумка синего цвета, из которой выглядывали ручки теннисных ракеток.

Стелла поздоровалась с брюнетом, но при этом, когда брюнет глянул на неё, она вдруг опустила глаза.

Когда мы уже сели в автобус и тот тронулся, я, устроившись рядом со Стеллой, спросил: «Стелл, кто этот самодовольный кучерявый спортсмен в тенниске?» Впрочем, можно было и не спрашивать её об этом – догадаться было не так уж и сложно.

«Так вот он какой добрейший физрук Игорь Николаевич!» – подумал я после того, как Стелла, слегка улыбнувшись, подтвердила мою догадку.

– Стелл, он тебе нравится, это заметно было по твоим глазам, – шёпотом сказал я ей, просунув нос в шелковистую завесу её волос, туда, где должно было быть её ухо.

Она повернулась и посмотрела на меня взглядом, от которого я сразу присмирел. Сильный был этот взгляд, лучше было бы под такой взгляд не попадать.

– Ну хорошо-хорошо, – сразу ответил я на этот её буквально вдавивший меня в сидение взгляд, – я молчу. Я о нём больше ничего спрашивать не буду.

– Андрей, ты опять забываешься! Веди себя прилично. И прекрати за мной следить! – Она недовольно отвернулась к окну, за которым мелькали деревья орешника.

Я замолчал, не желая её злить. Не мог я позволить себе, чтоб она прогнала меня от себя. Или выставила за дверь хотя бы и автобуса, когда была сейчас так близко, что я слышал её дыхание и даже мог как бы случайно прикоснуться к ней, пользуясь тем, что автобус иногда подпрыгивал на ухабах.

На одной из остановок вошли пассажиры. Потом автобус подобрал с остановок ещё с десяток пассажиров – и почти весь автобус оказался заполнен людьми. Между тем кто-то в виду городских окраин уже готовился к выходу.

Четырёхлетний хулиган, сидевший впереди меня, вдруг выбросил в окно пирожок, который до этого долго и смачно ел, а потом неожиданно стал реветь на весь автобус, пугая молодую растерявшуюся мать. Пришлось, чтоб он замолчал, показать ему язык. Вращая им в разные стороны, я пытался изобразить прокручивающийся пропеллер.

До самого выхода маленький хулиган молчал, уставясь на меня своими огромными голубыми глазами, а выходя из автобуса, неожиданно тоже показал мне язык. Стелла тихо задрожала от смеха. Кажется, она видела моё немое общение с этим маленьким разбойником.

Мы вышли в центре, недалеко от краеведческого музея, в двери которого в этот момент, невольно привлекая моё внимание, шумно и говорливо входила небольшая пёстрая группа интуристов. Впрочем, сильно я не отвлёкся, – немного игриво, но вполне галантно я подал руку Стелле, когда она сходила со ступенек автобуса. Правда, при этом я едва не выронил словарик с тетрадью.

– У тебя, Андрей, оказывается, случаются и хорошие манеры! – произнесла она очень мягко, окидывая меня в эту минуту нежным, притягивающим взглядом, – видимо, и слова, и взгляд её были своеобразным поощрением, перед тем как распрощаться.

Но мне прощаться с ней не хотелось, и я в ответ предложил отличную идею: просто пойти в кино на последний сеанс. Это было бы просто супер. Как вдруг она, откровенно проигнорировав моё предложение, что-то припомнив и посмотрев на свои часики, решительно заявила:

– Андрей, в автобусе, когда ребёнок рядом держал в руках пирожок, я подумала, что ты, наверное, с самого утра ничего не ел и сильно проголодался. У тебя аж слюнки текли. Сейчас, пока у меня ещё есть время, я накормлю тебя в очень приличном месте чудесно приготовленным на гриле цыплёнком – пальчики оближешь.

«Ну вот, – подумал я, – вторая заботливая тётушка появилась у меня...» Но вслух сказал:

– Стелл, я что, маленький! Я и сам могу о себе позаботиться. Лучше уж давай тогда посидим в кафе и выпьем пару бокалов шампанского в честь нашего знакомства... (Чуть было не сказал: в честь близкого знакомства – что выглядело бы, наверное, пошло.)

– Нет-нет! Без обсуждений! – категорично ответила она. – Ты сейчас же пойдёшь со мной! Даже не упирайся!

Она взяла меня за руку, точно я хотел сбежать от неё, подобно какому-нибудь набедокурившему школяру.

– Да сыт я, сыт, – слегка упрямылся я, – и тот пирожок в автобусе совсем ни при чём.

Мне было, хотя и приятно, что некоторое время она удерживала меня за руку, однако принять её предложение сразу я не желал: подспудно я чувствовал, что она всё-таки относится ко мне, как к своему подопечному, который беспрекословно и без пререканий должен подчиняться. И не только в стенах её любимого учебного заведения.

Мы подошли к небольшому уютному кафе в стиле деревенской харчевни с большой декоративной телегой перед входом, и когда вошли в зал, Стелла, выбрав столик у большого окна, из которого просматривался чуть ли не панорамный вид на всю улицу, велела мне идти мыть руки, словно я был тем четырёхлетним хулиганом или некультурным дылдой-школяром с дикими повадками какого-нибудь папуаса и не знал, что нужно делать в первую очередь. Хотелось возмутиться и сразу указать ей на это. Но, удержавшись, я не стал этого делать, благоразумно отложив эту ненужную сейчас разборку на другой, более подходящий момент.

Когда я вернулся, небольшое блюдо с жареными на гриле золотистыми кусочками цыплёнка уже ожидало меня, благоухая дивным дразнящим запахом. Рядом, в стеклянной вазочке, источал тонкий аромат свеженарезанный овощной салат. Но взгляд уже перескакивал на охлаждённый персиковый компот в запотевшем гранёном стакане, и рука тянулась отведать его в первую очередь. А посреди всего этого аппетитного яства на белом блюде лежал поджаристый пирожок.

Стелла через тонкую пластиковую трубочку пила фруктовый коктейль со льдом и улыбалась своей загадочной полуулыбкой.

– Пирожок с повидлом любишь? – глядя на меня и потягивая свой коктейль, мило спросила она. В её голосе звучала такая же тонкая улыбка, что была и на губах.

– Люблю, я сейчас всё люблю, – скороговоркой произнёс я, сразу же без жеманства накинувшись на еду, не забыв перед этим спросить её, почему она заказала себе лишь фруктовый коктейль.

– Я сыта, – ответила она, допивая свой охлаждённый напиток.

– А что, тебе, в отличие от меня, вполне хватило запаха пирожка в автобусе?! – сострил я, вмиг расправившись с нежными кусочками очень сочного мяса и приступая к пирожку.

– Я успела поесть дома, – нараспев, как будто самой себе, сказала она, посмотрев при этом на свои миниатюрные часики.

– Ты, наверно, спешишь на свидание, а я тебя сильно задерживаю, – попробовал снова пошутить я, но от этой своей шутки перестал даже жевать пирожок. Я произнёс это, тревожно переводя взгляд с микроскопического золотистого циферблата её часов на её лицо.

– А вот это, дорогой Андрюша, не твоё дело, – помедлив, ответила она, глядя на меня своим немигающим месмерическим взглядом.

Она произнесла начало фразы почти так же и с такой же интонацией, как и моя тётушка, что меня начало выводить из себя.

– Нет, ты ответь мне, я хочу знать! Я это хочу знать! – запальчиво обратился я к ней.

– А если я тебе не скажу, ты будешь следить за мной?! – Стелла, не отрывая от меня своего взгляда, встала со стула.

– Ты сама следила за мной в автобусе и выследила, что я голодный! – всё так же запальчиво, произнёс я.

Она, тонко усмехнувшись и взяв свою сумочку, вышла из-за стола и, обернувшись, бросила мне на прощанье, что я много о себе воображаю.

И я, понимая, что в разговоре взял где-то совершенно не тот тон, уже жалел о своей несдержанности. «Дурак, – подумал я о себе, – и куда подевалась твоя уравновешенность и спокойствие в любых ситуациях?!»

Выскочив вслед за ней из кафе, я обнаружил, что она стояла рядом с дверью, прислонившись спиной к стене, словно поджидая меня в засаде.

– Стелла, прости, я погорячился, – начал было я.

Но она не слушала меня:

– Я так и знала, что теперь ты будешь преследовать меня, ходить по пятам, мальчишка!

– Стелл, ну погорячился я, характер у меня такой. Давай не будем...

– Ну хорошо! – вдруг примирительно сказала она, опять посмотрев на свои часики. – Дай слово, что ты не будешь меня преследовать и следить за мной. И не будешь вести себя как вспыльчивый глупый мальчишка.

– Стелл, ты меня обижаешь, я не мальчик, – неуверенно пытался я укорить её за такое обидное сравнение.

– Так ты даёшь слово? – Она смотрела на меня в упор.

– Ну, даю, – помедлив, сказал я, тоскливо глядя на её красивые загорелые лодыжки и чувствуя, что она становится всё недоступней мне.

– Смотри же, ты дал слово!

Она, заглянув мне в глаза, легко развернулась и пошла по тротуару, помахивая своей сумочкой, – независимая, очень красивая и ещё более непонятная.

Шагов через десять она остановилась и обернулась. И я подбежал к ней, как паж по вызову.

– Андрей, – обратилась она ко мне с заметной мягкостью в голосе, – я догадываюсь о твоём состоянии. Иди домой и просто хорошо подумай, ты же умный мальчик и всё понимаешь...

– Хорошо, Стелл, я подумаю, но ты только скажи, с кем у тебя сейчас встреча?

– Андрей! Из-за тебя я опоздаю в театр... на премьерный спектакль, куда с большим трудом моя подруга купила билеты, и которая уже, наверное, изнервничалась там! – Поглядывая на свои часики, Стелла и сама начинала заметно нервничать.

– Ты идёшь в театр с подругой! Я тебе не верю! – заявил я ей, выразив сначала на своём лице сильное удивление.

– Ну вот что, Андрей! С тобой невозможно говорить! Всё, до свидания!

На этот раз, ни разу не обернувшись, она торопливо ушла, а я через минуту вернулся в кафе.

На нашем столике сиротливо лежал словарик с тетрадкой. Пустые тарелки уже убрали. Я раскрыл словарь и внимательно просмотрел ещё четыре листа английских фраз. Первые страницы я пролистал ещё в интернате. Начальные фразы не показались мне сложными и легко запоминались, но далее они удлинились и запомнить их целиком становилось всё труднее. Я закрыл словарь и вышел на улицу.

По улице медленно двигалась настоящая карета, запряжённая двумя ухоженными белыми лошадками с красивыми белоснежными султанами между ушей. Ряженный в красную атласную ливрею возчик предлагал всем прокатиться в карете, и я из любопытства поинтересовался, сколько мне будет стоить такое экстравагантное удовольствие. Остановив послушных лошадок и ответив мне, ряженный возница опять принялся зазывать желающих прокатиться до набережной. Вскоре нашлась влюблённая парочка, которая с восторгом залезла в карету, и та медленно покатила по булыжной мостовой. А симпатичные лошадки слажено зацокали копытами. Я тоже пошёл вслед за каретой в сторону набережной. Жара уже спадала, и народ понемногу стал заполнять узкие улицы. Многие шли навстречу с пляжными сумками и размокшими раскрасневшимися от свежего загара лицами.

Неожиданно на противоположной стороне улицы я увидел небольшой кинотеатр с огромным рекламным плакатом, на котором во всю его ширину в тёмных очках по-приятельски улыбался известный французский киноактёр Жан-Поль Бельмондо. Кинокомедии я всегда обожал, особенно французские, и поэтому, недолго думая, купил билет и спустя пятнадцать минут, отведав попутно местное сливочное мороженое, уже сидел в кинозале.

Фильм был из разряда тех, что мне нравятся сразу же, с первой минуты до последнего кадра. Неподражаемый юмор Бельмондо изводил меня порой до слёз, и я, забывшись, несколько раз до изнеможения хохотал над тем, что он вытворял на экране. Уморительные похождения горе-любownika, которому всегда и во всем в конечном счёте везло, заряжало оптимизмом и поднимало настроение. Зал тоже похихатывал, а кто-то даже в экстазе притоптывал и свистел.

После фильма, когда я, прихватив под мышку уже неразлучные словарик и тетрадь, снова оказался на улице, солнце наполовину скрылось за вершинами гор и сумерки, уже с избытком накопившиеся в удобных им местах, собирались через пяток минут без опаски выплеснуться на все улицы городка. И пока я, под впечатлением от игры любимого актёра (припоминал самые смешные сценки), неторопливо шёл до набережной, быстро стемнело, и разгорающиеся фонари стали ярче освещать улицу и гуляющую по ней публику.

На пляже, как и вчера, ещё был народ, но купаться мне не захотелось, и я, посидев ещё немного на скамейке в сквере у фонаря и полистав ещё раз словарь, как и рекомендовала Даша перед сном, направился домой, бубня себе под нос английские фразы и словосочетания. Удивительно, но кое-что из того, что я запоминал ещё днём, находясь в интернате, легко всплывало в голове. Видимо, Дашина методика всё-таки была вполне рабочая. Я даже пожалел, что поле-

нился тогда прочитать до конца её первое задание. «Ничего, – подбадривал я себя, подходя к переулку, где находился мой дом, – впереди у меня ещё уйма времени. Впереди ещё целая ночь и утро – что-нибудь ещё успеет, благодаря передовым методам, само отложиться в голове».

Недалеко от угла соседского дома, у разросшихся кустов, стояло двое парней. Ещё один, худощавый, в белой рубашке, чуть в стороне от кустов, что-то, как мне показалось, искал в траве. А где-то в темноте, кажется у скамейки, негромко брэнчала гитара, раздавались голоса, в том числе и девичий смех, и красными точками на мгновение вспыхивали огоньки от сигарет. Там было оживлённо и очень весело.

Поравнявшись с парнями у кустов, я хотел уже свернуть в проход к дому, но один из них направился ко мне и, чему-то улыбаясь, спросил закурить. Скуластое лицо его с широко расставленными глазами было надменным и нагловатым. Что-то подсказывало мне, вовсе не сигарет ему хотелось. Я вежливо ответил, что не курю.

В это время подошёл небольшого роста конопатый его напарник и, смерив меня оценивающим взглядом, небрежно сквозь зубы бросил:

– Сигареткой слабо угостить! Зажал, что ль?

Третий (тот, что был в белой рубашке) тоже подошёл и стал позади меня. И мне стало предельно ясно, что сейчас, в ближайшую минуту, если не предпринять что-нибудь неожиданное для них, я получу по своей интеллигентной физиономии вполне конкретно и по полной программе. Это стало ещё очевиднее, когда скуластый уже нагло пытался вытащить пальцами из нагрудного кармана моего батника авторучку, которую мне вручила Стелла перед первой лекцией.

И я стал действовать так, как был обучен и подготовлен в своём родном дворе именно к таким нештатным ситуациям. «Подожди!» – спокойно сказал я скуластому негодяю, мягко отстраняя его руку. Затем, обернувшись назад, к самому слабому из них, попросил того подержать мой словарь и тетрадь. И когда тот от неожиданности взял их, с удивлением таращась на эти, видать, не очень привычные для его рук предметы, почти не размахиваясь, я врезал скуластому внутренней частью ладони между его широко расставленных глаз в область носа. Этот простой приём я в совершенстве отработал в спортивном школьном зале на тренировочной боксёрской груше. Жёсткий удар ладонью в нос не причинял больших травм, но мог любого вывести из строя минуты на две, что было вполне достаточно, учитывая мои спринтерские качества.

Конопатому я следом хорошо заехал ногой в пах и добавил ребром ладони по его шее, от чего тот вскрикнул и ещё больше согнулся. Но я недооценил самого слабого из них – того, что стоял за спиной и держал в руках мои вещи. Он тут же бросил тетрадку со словарём в траву, видимо собираясь удирать. А когда я за ними наклонился, этот уже почти удравший слабак вдруг ошалело навалился на меня всем своим тщедушным телом и, испугавшись, наверное, своей храбрости, испустил в темноту, в сторону скамейки, где негромко брэнчала гитара, классический душераздирающий вопль о помощи, переходящий в самом конце для пущей убедительности в протяжное тонкое подвывание: «На помощь, наших бью-ю-у-ют!..» И только я успел освободиться от него, стащив с себя за его же треснувшую где-то у шва белую рубашку, как подлетело ещё трое или четверо. Крепкий длинноволосый парень с разбегу ногой ударил меня в лицо. Я откинулся на траву, и сначала искры, а потом расходящиеся оранжевые круги и яркие белые пятна, похожие больше на симпатичных дружков-колобков, закружились весёлым хороводом передо мной, приятно притормаживая сознание. И почти одновременно с этим я услышал девичий крик: «Остановитесь! Это же свой! Он с нашего двора! Я знаю его...»

Всё ещё находясь в лежачем положении на спине, но уже опершись на локоть и трясая головой, я быстро приходил в себя, как вдруг увидел перед собой склонившееся ко мне лицо рыжеволосой Юлии.

– Привет, – сказал я ей, – благодарю, ты оказалась здесь очень вовремя. Кажется, теперь я твой большой должник.

– Ты как? – спросила она, вытирая платком у меня тонкую струйку крови, выступившую было из носа.

– Да нормально, звездопад уже закончился, вот только нога что-то слегка побаливает, – ответил я ей, садясь на корточки.

Близ меня сидел скуластый и, задрав голову, тоже старался остановить кровь из своего носа. Он был сильно недоволен и искоса поглядывал на меня.

– Кто это? – всматриваясь в меня, спросил у Юлии крепкий длинноволосый парень – тот, что наградил меня сильным ударом ноги.

А я в этот момент подумал, как повезло мне, что он обут в мягкие резиновые кеды, а не в какие-нибудь жёсткие кожаные туфли, что были на ногах его друзей...

Рядом столпились подбежавшие чуть позже ещё трое парней и две девушки, которые с искренним любопытством смотрели на последствия всей этой заварушки, всматриваясь в первую очередь в меня. У одного из парней в руках была гитара, другой зачем-то примчался с трёхлитровой банкой красного вина в руках, основательно взболтав его по пути, а третий тоже зачем-то прихватил с собой обычный гранёный стакан и теперь держал его двумя пальцами правой руки, словно официант-стажёр в дешёвом ресторане, забывший по рассеянности в подсобке свой никелированный поднос.

Глядя на них, при желании можно было бы подумать, что они примчались угостить меня продукцией местных виноделов и заодно очаровать душевными песнями под гитару. Но на самом деле, как я уже догадался, неожиданная заварушка просто-напросто застала их врасплох, и они впопыхах и, видимо, с уже приобретённым уличным инстинктом никогда не оставлять ценные вещи без присмотра, притащили это добро сюда. Был среди них и откуда-то взявшийся невысокий юморной толстячок, заявивший, что он, как всегда, прибыл в самый решающий момент, когда без него нельзя обойтись.

– Это Андрей, мой сосед! – заявила всем Юлия. – Чего вы на него накинулись?! – обратилась она затем к моим непосредственным противникам.

– Действительно, зачем?! – поинтересовался и толстячок, доброжелательно разглядывая меня своими небольшими подвижными глазками.

Конопатый уже очухался от моего удара ногой и, подойдя, пискляво сказал:

– А мы ему ничего не делали. Это он первый на нас набросился... За это ему надо ввалить как следует... его надо...

Но он не успел закончить свой кровожадный призыв к действию – Юлия, отняв платок от моего носа, уже повернулась к нему и прикрикнула:

– Алик, если ты подойдёшь к нему, то сам как следует получишь от меня, понял!

Она даже погрозила ему своим совсем невпечатляющим девичьим кулаком.

«Вот это да! Молодец! – подумал я о Юлии. – Ведёт себя на удивление уверенно, как настоящая королева двора. Может, она и в самом деле повелевает всей этой дворовой компанией». Я припомнил, что такое было и у нас, когда красивая и энергичная девчонка из дома напротив некоторое время командовала как хотела всеми нашими дворовыми пацанами. И почему-то все охотно и беспрекословно подчинялись ей.

Видимо, моя догадка была очень близка к истине, потому что конопатый Алик оказался весьма восприимчив к словам Юлии. Он всё очень быстро понял и во всём с ней согласился, да и все те, кто подбежал, стали расходиться к своей скамейке. Первыми ушли две подошедшие из любопытства девчонки, а за ними потянулись и их кавалеры с гитарой и вином, которым, кстати, они до краёв наполнили стакан, что притащили сюда, предоставив распоряжаться им говорливому и весёлому толстячку.

Между тем с рыжеволосой королевой Юлией согласился и длинноволосый. Он, повернувшись к Алику, бросил тому, что хорошо знает, как тот цепляется к любому, кто случайно окажется в их дворе. Говоря это, он попробовал положить руку на плечо Юлии, но та одёрнула его, посоветовав ему внимательнее следить за своими руками... «Очень милая парочка!» – тут же непроизвольно отметил я про себя этот их быстротечный междусобойчик и стал подниматься с травы.

Только скуластый Толик всё ещё сидел, косился на меня и никак не мог остановить кровь из носа, которую худощавый Вова (я уже узнал, как всех их зовут из их же общения) пытался остановить лоскутом белой ткани. Кажется, он оторвал этот лоскут от своей распоротой белой рубашки и, умело скомкав его, приложил получившийся тампон к носу пострадавшего.

– Так-то будет лучше, а рубашку уже не зашьёшь, – сказал он, перехватив мой взгляд, и улыбнулся невинной улыбкой ребёнка, увидевшего вдруг после сладкого сна на голубом потолке скачущего весёлого солнечного зайчика.

– Голову ему приподними выше, что б кровь не притекала к переносице, – посоветовал я в ответ, и тоже слегка улыбнулся краем губ.

И между нами, кажется, установился почти дружеский контакт, к которому присоединился и Толик, спросивший меня, что за технику удара я применил и как она называется. «Вроде и не сильный удар, а в глазах сразу на минуту потемнело, и кровь вдруг хлынула, не остановишь», – произнёс он, глядя на меня уже без какой-либо злости и обиды.

Очень уж он хотел знать название этого неизвестного ему приёма. Пришлось уважить его, ведь не зазря же он так жестоко пострадал.

– *Синекдоха* называется, – сказал я первое, что пришло в голову (видимо, лекция Стеллы с отдельными словами хорошо усвоилась у меня на подсознательном уровне).

– «*Синекдоха*», – почти по слогам повторил он это певучее, диковинное для него слово, и уважительно посмотрел на меня.

В это время Юлия, мягко отстранив пристававшего к ней длинноволосого ухажёра, которого звали Сергеем, помогла мне подняться окончательно, а толстячок, всё ещё державший в руке стакан с вином (видимо, ждал подходящего момента угоститься), неожиданно поднёс его мне с шутливой просьбой хотя бы пригубить сей божественный напиток в честь знакомства и боевого крещения. И я, чтобы не обижать новых знакомых, сделал небольшой глоток этого чудо-напитка, оказавшимся на деле какой-то терпкой кислятиной. Вернув тут же стакан, который, кажется, пошёл далее по кругу, я, ощущая во рту не очень приятную тягучесть, попробовал поуверенней ступить на правую ногу. Нога побаливала в связке у ступни и лодыжки. Что-то там было не так. «Наверное, сильное растяжение», – озабочено подумал я, опять нагибаясь и осторожно поглаживая рукой появившуюся припухлость у лодыжки. На ногу всё же ступить я смог, но полностью опираться на неё было очень проблематично из-за резкой боли, что отдавалась в голеностопном суставе.

«Вот только этого мне не хватало!» – потирая ногу и снова опираясь на плечо Юлии, подумал я об этой возникшей проблеме.

– Отведи потихоньку его домой, – видя мои страдания, великодушно посоветовал Юлии длинноволосый Сергей, а сам подошёл ко мне и протянул словарь с тетрадкой, а следом, чуть помедлив, и свою руку. – Здесь тебя никто не тронет, будем знакомы, меня зовут Сергей! – авторитетно произнёс он, глядя мне в глаза прямым дружелюбным взглядом.

– Премного вами благодарен, – ответил я ему таким некогда расхожим старинным оборотом речи, пожав его крепкую руку и назвав в свою очередь своё имя. В моём ответе был и намёк, который он, кажется, не уловил, на сильный удар его ноги, буквально сваливший меня.

Стоявший рядом толстячок улыбнулся и тоже подал мне пухлую ладошку с короткими пальцами, пошутив затем, что он тут самый главный, но его почему-то никто не хочет слушать.

Он добродушно, от души посмеялся своей шутке и следом изрёк, подняв кверху свой смешной коротенький указательный палец:

– А ведь я всегда говорю, что в ядерный век размахивать кулаками – себе дороже. И вот – результат! – Он указал на скуластого Толика, который, остановив кровь, уже поднялся и тоже крепко жал мне руку; его губы, кажется, всё ещё шёпотом повторяли то диковинное слово, что я даровал ему, можно сказать, с плеча.

Толстяка звали Эрик. «Видать, он самый рассудительный из них», – подумал я и, сказав своим новым знакомым лаконичное «пока», тронулся с места кровавого побоища, опираясь правой рукой на Юлино хрупкое плечо. Плечо это на удивление оказалось очень выносливым и гибким.

– Ты только моей тётке ничего не говори, – попросил я её, – а то она меня больше никогда не выпустит одного из дома. Да и нервный срыв в этом случае ей будет обеспечен.

Юлия согласно кивнула головой, а также согласилась сразу и с моей версией: дескать, у нашего подъезда я неловко оступился и слегка потянул ногу.

– Андрей, а ты разве дотемна занимаешься? – следом с лукавством спросила она, искоса взглянув на мой словарь с тетрадкой, которые я прилежно прижимал к себе на привычном уже им месте – под мышкой слева.

– Почти дотемна, – ответил я, сделав на секунду лицо своё очень серьёзным и важным. – Днём слушаю и конспектирую лекции, а вечером просматриваю эти лекции на набережной, пока не стемнеет. Очень, очень много материала...

– Ты, наверное, очень умный, – продолжала она полусуто, окидывая сбоку меня пристальным взглядом.

– Да, именно так в моём аттестате и отмечено. Кратко и доходчиво – очень умный, – поддержал я её шуточный тон.

Она рассмеялась заливисто и непосредственно, как серебряный колокольчик в школе на утренней линейке.

– И завтра тебе опять на занятия? – всё интересовалась она, когда мы потихоньку входили во двор.

– Увы, – отвечал я, – тётя желает сделать из меня академика сразу по всем гуманитарным наукам.

– Беденький, а я тебе даже городской пляж не смогла сегодня показать, – Юлия изобразила жалостливую гримаску на лице и посмотрела на меня в тускловатом свете фонаря каким-то прозрачным светло-зелёным взглядом симпатичного золотисто-рыжего эльфа.

– А зачем мне показывать городской пляж, я и так знаю, где он! – удивился я, пожав плечами.

– Зоя Дмитриевна утром очень просила, – пояснила она улыбаясь.

– Она и о пляже тебя просила?! – Я остановился и немного оперся на больную ногу, ослабив слегка давление на стойкое Юлино плечо.

– Да, она просила показать, где городской пляж, чтоб ты по достоинству оценил это прекрасное место и отдыхал там после занятий.

Я снова тронулся в путь, всё так же опираясь на Юлино плечо. Сильно удивляться моей чересчур заботливой и деятельной тётке не приходилось – почти все её устремления и намерения в отношении моей скромной персоны уже хорошо были мне известны, и чем-то новым потрясти было трудно.

Юлия придерживала меня левой рукой за спину – так что со стороны мы вполне могли показаться влюблённой парочкой.

Продолжая опираться на неё, я все-таки иронично заметил:

– Конечно, моя тётя переживает, что в вашем преогромном мегаполисе совершенно невозможно самостоятельно найти пляж, а я к тому же обязательно заблужусь во дворе или в соседнем скверике.

Тряхнув кудрями своих рыжих волос, Юлия с улыбкой отреагировала на мою иронию:

– Ну, мало ли... Зоя Дмитриевна, может, и права. Ведь ты никого здесь не знаешь. Всякое может случиться. Вот как эта глупая стычка почти у дома... Так что завтра будем показывать тебе городской пляж, – подытожила она своим приятным серебристым голосом, в котором немного проскальзывали и бравые командирские нотки.

И, как я понял по интонации своей спасительницы, отвечать на это мне было совсем не обязательно.

Мы подошли к подъезду, у которого, как и вчера, в тусклом свете плафона застывшими человеческими фигурами маячили на лавочке те же две бабульки. Я поздоровался с ними. И они, увидев нас, ожили, зашептались и проводили своими очень пытливыми и любознательными взглядами.

Поднимаясь по лестнице, я попробовал ступить на ногу поувереннее. У меня даже мысль мелькнула, что хромоту мою тётя может и не заметить, если ей ничего об этом не говорить. Юлия, видимо, подумала об этом же:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.